

РУССКАЯ ИМПЕРСКАЯ ФАНТАСТИКА

Александр

Афанасьев

АДСКИЕ ВРАТА

У КПАДЕЗЯ БЕЗДНЫ

Александр Афанасьев
У кладезя бездны.
Адские врата
Серия «Бремя империи»
Серия «У кладезя бездны», книга 4

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6219030

У кладезя бездны. Адские врата / Александр Афанасьев: Эксмо;

Москва; 2013

ISBN 978-5-699-66281-4

Аннотация

Год 2014-й...

Волна насилия захлестнула Священную Римскую Империю. Один за другим погибают кардиналы, среди которых есть и кандидаты в Понтифики. Стреляют в самого Папу Римского. Причем – успешно... За всеми этими преступлениями стоит Джузеппе Бардини, профессиональный террорист и наемник. Он кажется неуязвимым и потому наглее с каждым днем. Но и неуязвимые террористы ошибаются. Для Бардини роковой ошибкой стало похищение сына русской великой княгини Ксении Романовой. В игру немедленно включился легендарный

русский разведчик князь Александр Воронцов. Ведь похищенный мальчик ему не чужой...

Содержание

Март 1991 года	6
Милан	17
Милан	36
03 июля 2014 года	48
05 июля 2014 года	54
Схватка	66
03 июля 2014 года	74
06 июля 2014 года	81
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Александр Афанасьев

У кладезя бездны.

Адские врата

©Афанасьев А., 2013

©Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*Понял, где прячется правда,
Ее не найти без огня,
Кто-то оставит цветы
На могиле твоей...
7Б «Некрещеная луна»*

Март 1991 года

Аэропорт Фьюмиччино

– Вниманию встречающих, самолет, выполняющий рейс номер тридцать шесть, Рим – Мадрид, совершил посадку, встречающих просим собраться у первого терминала. Вниманию встречающих, самолет, выполняющий рейс номер тридцать шесть...

Голос диктора с трудом пробивался сквозь свист турбин – со звукоизоляцией здесь было совсем неладно.

В числе встречающих был невысокий, сухощавый человек, скромно одетый в черное, монашеское одеяние, в руках он держал табличку «Ватикан – конференция», написанную на английском и на итальянском языках, причем на английском – с ошибкой. Встречи и проводы в итальянских аэропортах проходят бурно, этот же человек не бросился со всех ног вслед за толпой, он пропустил всех и только потом пошел сам. Он ни с кем не разговаривал, не вызывал подозрений и постоянно смотрел в пол, себе под ноги. Он знал, что так – будет почти невозможно запомнить его в лицо...

Аэропортовский шаттл – так на североамериканский манер теперь называли автобусы во всех аэропортах мира – причалил к переходнику, и встречающие бросились на штурм...

– Глянь-ка...

Среднего роста человек, скромно одетый, как одеваются небогатые туристы, отбывающие на отдых в южные страны, ткнул пальцем в висящий прямо в переходнике плакат. На плакате была то ли так загорелая, то ли с примесью восточной крови девица с голой грудью, сидящая в кресле в весьма фривольной позе. Конечно же, Эммануэль, куда же без нее...

– Дама, когда ты закончишь со своим половым созреванием, а? – недовольно спросил капитан Питер Прайс, командир их патруля.

– Не раньше, чем перестанет ссаться в постель, – поддал жару еще один член этой небольшой группы, лейтенант Джон Кьюсак.

– Нет, я все понимаю, но кое-где этот фильм идет обрезанный по самое не хочу. А здесь – похоже, нет. Самое время прошвырнуться по кинотеатрам, парни.

– Обрезанный фильм для обрезанных парней, – несколько неловко пошутил четвертый член группы, капрал-сверхсрочник Джон Ноланд. Впрочем, у него с чувством юмора всегда было плохо – оно было, но было каким-то тяжеловесным. Остальных же, особенно Даму, – хоть сейчас на сцену...

– Так, заткнулись все, – недобрым тоном сказал капитан, – поберегите свои языки для другого раза.

Капитан волновался, и волновался неспроста. Обстановка

в Итальянском королевстве, куда они прибыли со специальной миссией, была крайне нездоровой. Здесь, как и в Британии, была конституционная монархия; правда, количеством депутатов Италия могла дать фору любой стране мира. Их было девятьсот сорок пять – совершенно безумная цифра для, в общем-то, небольшой страны: при том, что колонии в парламенте прямо представлены не были. Италия была лоскутным одеялом: на севере была относительно развитая промышленность, работавшая на Европу, на юге – сельское хозяйство и всепроникающая мафия. Сицилия была вообще как отрезанный ломоть, по сути это было самостоятельное государство, и оно оставалось им, даже юридически входя в состав Королевства. Там хозяйничала мафия – мафиозные боссы правили везде, кроме разве что Палермо. Чтобы задержать мелкого воришку, приходилось отряжать целые отряды карабинеров, и они не всегда возвращались назад. Следователи и судьи, расследующие дела мафии, жили в армейских казармах, потому что иначе их бы немедленно убили. После разгрома немцами марсельского синдиката – тогда в один день расстреляли полторы тысячи человек – Сицилия стала входными воротами в Европу для азиатского героина, травы-муравы из Африки и бог знает чего еще. Но главной проблемой было не это – мафия состояла из деловых людей, с ними всегда можно было договориться, несмотря на их специфический товар и специфические методы ведения дел. Главной проблемой были левые. То ли от жары, то ли от бед-

ности – в Италии сильны были леваки, троцкисты, анархисты и прочая мразь. Из-за этого в стране был постоянный усиленный режим работы полиции и карабинеров, везде стояли люди с автоматами... в том же Лондоне это и представить было нельзя, несмотря на то, что угроза от ирландцев была не менее серьезна. Христианские демократы последние парламентские выборы проиграли, удержавшись у власти лишь создав разнородную, почти ничем общим не связанную коалицию с мелкими партиями и поделившись портфелями в коалиционном правительстве. Левые партии объявили обструкцию; от этого что правительство, что парламент не могли нормально работать вот уже три месяца, и Его Величество не мог их распустить и назначить новые выборы, потому что и предыдущий парламент был распущен точно так же. Нагнеталась нервозность, ничего не удавалось сделать с безработицей, цены за последние месяцы подросли процентов на двадцать – и можно было ждать всего чего угодно: от военного переворота до уличной левой революции, после которой должно было немедленно последовать германское вторжение с целью наведения порядка. Священной Римской империи иметь под боком левачащую страну, да еще ту, которая владеет огромными запасами нефти в Триполитании, совершенно не улыбалось.

Вооруженные автоматами карабинеры имелись и здесь, они наблюдали за толпой и, увидев четверых скромно одетых мужчин, внутренне подобрались. Они стояли на этом

посту слишком долго и научились разбираться в людях: так вот эти четверо старшему патруля не понравились. Он уже сделал знак остальным и собирался было подойти и проверить документы – как вдруг увидел, что к этим четверым подошел человек в сутане священника. Капитан карабинеров выругался про себя и еле удержался от того, чтобы плюнуть на пол. Священник... значит, это приглашенные Ватикана. То ли волонтеры какие-то, то ли еще кто – черт их разберет. Но от таких надо держаться подальше, с Ватиканом лучше не связываться. Грязи там навалом, а тамошние попы и крючкотворы отличались особой зловредностью и въедливостью. Если остановить гостей Ватикана – жалоба непременно последует.

– Синьор? – спросил младший из патруля, Паоло, молодой парень лет восемнадцати, у которого на щеках был еще едва заметный юношеский пушок. Автомат он держал так, как обычно держат дрова.

– Оставаться на месте, – скомандовал капитан карабинеров, – отбой, это не наши проблемы. По сторонам, по сторонам смотрите!

Священник уверенно провел гостей по аэропорту, вывел их на новую многоэтажную стоянку. По пути бросил в урну плакат, с которым он встречал гостей, огляделся по сторонам.

– Добро пожаловать в Италию, синьоры, – негромко ска-

зал он на ходу, – меня зовут брат Грегорио.

– Как здесь погода? – спросил Прайс.

– Холодно, но с каждым днем все теплее и теплее...

Пароль был назван верно...

«Падре» подвел их к фургону с номерами Ватикана – это был белый фургон неизвестной британцам модели, сильно похожий на «Форд Транзит» или британский «LDV». Уверенно сел за руль, снял сигнализацию. Фургончик был приспособлен для ремонтной бригады – пять кресел и большой багажный отсек.

– Прошу.

Британцы расселись по местам. Капитан Прайс сел вперёд.

– А если остановят?

– Ватиканские номера. У нас право экстерриториальности.

Так вот почему тут никак не могут сдюжить ни с терроризмом, ни с провозом наркотиков...

Фургон, очень круто развернувшись, начал выезжать со стоянки.

– Что за модель? – внезапно спросил капитан.

– «Пьяджо». Лицензионная. Интересуетесь?

– Немного.

– Тогда там. За сиденьями.

– Дама, проверь, что там? – не оборачиваясь, приказал Прайс.

Лейтенант Дамиан Монтгомери сунулся назад, под мешками наткнулся на знакомый пластиковый кейс, щелкнул замками.

– Эй, кажется, я знаю, какой подарок хочу на Рождество! – весело крикнул он.

В кейсе, в гнездах серого, негорючего поролона, лежала огромная, с почти метровой длины стволом снайперская винтовка...

Их фургончик, выбравшись из толкотни вокруг Фьюмичино, распугивая сигналами клаксона совершенно обнаглевшие желтые такси, направился на север. Стояла весна – типичная итальянская весна, когда земля, не знавшая даже снега, пробуждается от зимней спячки. Мимо дороги – хорошей, кстати, дороги – мелькали голые, серые перелески, придорожные кафе и траттории, автозаправки. Всем англичанам было несколько не по себе – в Италии движение было правосторонним, и им постоянно казалось, что они едут по встречке. Машины – а они здесь были такими же, как и в Англии, в основном небольшими, скромными – с шумом пролетали мимо.

– Если нужно – по пути есть хорошая траттория, можно свернуть. Ее держит мой дальний родственник.

– Нет, – отрезал капитан – он был опытным человеком, много слышал рассказов о провалах и уяснил для себя, что чем меньше звеньев в цепи, тем реже она рвется, – давайте о деле.

– Бардачок.

Капитан полез в просторный, рассчитанный на бухгалтерские накладные формата А4 бардачок, вытащил папку. Открыл ее, начал просматривать – карта, фотографии.

– Его что, надо убить? – внешне спокойно спросил он, показывая падре фотографию.

Падре бросил взгляд на фотографию.

– Ни в коем случае! Если он погибнет, это будет провалом всей операции! Ни в коем случае!

– Тогда что от нас требуется?

– Обеспечить доступ.

Капитан еще раз посмотрел на фотографию. Мелькнула мысль, что пацан, изображенный на ней, сильно похож на Джека, – но усилием воли он отогнал от себя эту мысль, спрятал ее в самый потаенный тайник своей души и забыл.

– Что это значит – обеспечить доступ?

– Его заберут мои люди. Ваша задача – устранить препятствия на их пути.

Ватикан занялся похищениями. Католические священники крадут детей за выкуп. Гениально просто, мать твою!

– Его охраняют?

– Да, и очень серьезно.

– Подробнее?

– Бронированная машина, внутри четыре человека. Вооружены автоматическим оружием.

– Мафия?

– Куда серьезнее. Двое германцев. Один русский. Один – итальянец, десятая флотилия торпедных катеров, знаете, что это такое?

– Знаю... – капитан помрачнел.

– Дом охраняется. Семья живет в уединенной вилле на окраине Милана, там полно средств охраны, в доме всегда не меньше десяти человек с автоматическим оружием. Полицейский участок в восьмистах метрах от виллы. Казармы карабинеров с бронетехникой и двумя вертолетами – в тысяче трехстах.

– Это что – босс мафии?!

– Не ваше дело.

Капитан подавил желание высказать этому наглому хлыщу, напялившему сутану, все, что он об этом думает. Просто удивительно, с каким дерьмом приходится работать.

– И вы что, предлагаете нам четверым штурмовать виллу?

– Нет, я же говорю. Нам нужен только мальчик. Его отвозят в иезуитский колледж на машине. «Даймлер», бронированный вариант. Следом идет машина с телохранителями, это «Ланчия Тема», тоже бронированная. Машины двигаются по оживленным улицам, так что это – самый крайний вариант. Но есть одно уязвимое место. Возвращаясь домой, он не сразу садится в машину. Примерно километр, иногда больше, иногда меньше, – он проходит по улицам. Рядом с ним – постоянно женщина, вроде как воспитательница. Вооружена. Машина с охраной – все время рядом, не далее чем

в тридцати метрах. Мы считаем, что это и есть оптимальный момент.

– Как будет проходить операция?

– Очень просто. Ваша задача – остановить машину с охраной, обеспечить ее невмешательство. Изолировать место проведения операции, я правильно говорю?

– Да, – капитан Прайс отметил, что священнику знакомы очень специфические военные термины.

– Остальное сделают другие люди, привлеченные мной. Главное – не попадите в пацана, он обязательно должен быть живым и невредимым.

Капитан посмотрел в окно. На серой земле появились белые пролежни снега. Они поднимались в горы, здесь уже был снег.

– Это миллионный город, – сказал капитан, – основные улицы перекроют за пять-семь минут. У вас знают, как бороться с похищениями, потому что они тут на каждом шагу. Боюсь, что это скверный план, синьор священник.

– Никто не успеет перекрыть улицы так быстро. Не переживайте. Полиция будет занята совсем другим делом.

– Каким?

– На миланском вокзале заложат бомбу. На ее поиск и обезвреживание будут брошены очень крупные силы.

– Вы что, собираетесь взорвать миланский вокзал?!

Священник на мгновение оторвался от дороги.

– Конечно, нет. Бомба будет с неисправным детонатором.

За кого вы нас принимаете?

Капитан очень хотел сказать – за кого. Но не стал.

Милан

Корсо ди Виттория

– Мне не нравится этот ублюдок... – задумчиво сказал Прайс, сидя на кровати небольшого частного пансионата на Корсо ди Виттория, одной из крупнейших улиц города. Пансионат состоял всего из восьми номеров, и, судя по кое-каким признакам, капитан заключил, что он снят полностью и посторонних людей здесь нет.

– Мне тоже, сэр. – Капрал Дамиан Монтгомери примерялся к огромной винтовке с дульным тормозом, размером с небольшой автомобильный огнетушитель. Это была североамериканская «МакМиллан», она перезаряжалась полуавтоматическим затвором и стреляла патронами калибра 0,5 дюйма, пробивавшими стены и броню. Винтовка была построена по схеме, предложенной русским конструктором Федором Токаревым.

– Мы имели дело и с худшим дерьмом, сэр, – сказал Кьюсак, – помните Мерцающего...

– Не напоминай.

Мерцающий – таково было прозвище одного парня, активного боевика из ИРА, руки которого были обагрены кровью британских солдат. Какому-то умнику на Воксхолл-Кросс пришла в голову идея перевербовывать таких

парней и за освобождение из спецблока тюрьмы Уормвуд-Скрабс¹ забрасывать их на территорию противников Британии, как чумных блох. Закончилось все это таким провалом, что историю засекретили по самому высшему разряду, прежде всего от своих же проверяющих и газетчиков.

Капитан вытащил ершик из ствола автоматической снайперской винтовки «Рейнметалл G3ZF», потрогал патч. Чистый. Чистить свое оружие перед боем – это что-то вроде молитвы. Оружие им достали хорошее – не новое, но по виду его винтовки капитан мог сделать заключение, что из нее сделали не более сотни выстрелов, только чтобы пристрелять. Капитан отложил в сторону винтовку и принялся проверять магазины – если пружина села, то дело может кончиться плохо...

– Какого хрена им нужно от этого пацана, сэр? – спросил Кьюсак. – Черт, я не могу поверить, что Ватикан занимается похищением за выкупы. Это же... черт знает что.

– Ты уверен, что этот ублюдок из Ватикана? Я – нет.

– Сэр, я бы прогулялся по улицам и попробовал наметить маршрут отхода, другой, альтернативный. Или два, – сказал предусмотрительный Дама, – мне не нравится, что мы вынуждены полагаться на этих ублюдков. Это может быть спланированной провокацией.

– Хорошая идея, – капитан поднялся на ноги, отложил винтовку, – одевайся. Пойдем вместе. Лиры не забыл?

---

¹ Тюрьма особого режима в Западном Лондоне.

– Нет, сэр.

«Брат Грегорио» сидел внизу, на месте портье, и что-то читал. По обложке и толщине тома капитан понял – Библия. Господи, неужели и правда – священник? Он бывал в разных местах, видел много всякого дерьма в жизни, но если священник занимается похищением детей – значит, настали последние времена. И ничего хорошего ждать не следует.

– Куда вы направляетесь?

– Прогуляться... – Капитан толкнул дверь, она была заперта.

– Это небезопасно. Вы не знаете итальянский, не знаете города. Вас могут просто похитить, только и всего.

– Пусть попробуют. Откройте дверь.

– Это небезопасно.

Капитан усилием воли подавил гнев. Еще никто и никогда так с ним не обращался со времен отборочного курса САС. Тот, кто пытался, – получал по морде.

– Вы не знаете правил подготовки специальной операции, – начал втолковывать он как маленькому ребенку, – карт и фотографий недостаточно. Мы должны побывать на месте, посмотреть, как все выглядит на самом деле. Посмотреть, что там насчет секторов обстрела, путей отхода. Если вы наняли нас – дайте нам делать нашу работу.

Брат Грегорио потер подбородок.

– Пожалуй, я пойду с вами. К тому же вам нужна будет

машина. Оружие оставьте здесь, может быть проверка документов.

Первое, что замечает британец, когда попадает в итальянский город, – это вой сирен. Для североамериканца это дело привычное, погоня по улицам родного города, когда за машиной с преступником следует десяток полицейских, это очень эффектно в синемаатографе показывают – а вот для британца такое внове. Господи, в Британии до пятидесятых, когда стало беспокойно в Ирландии, полицейские и оружия-то не носили! У них был жезл, и если они кого-то касались этим жезлом – тот должен был безропотно следовать за констеблем как живым воплощением закона. Был закон о смертной казни за оскорбление констебля, а тут...

Узкие улицы, дикий поток транспорта, и через него – на бешеной скорости – несутся одна за другой бело-голубые машины карабинеров и финансовой гвардии. Во многих местах вместо светофоров движение регулируют полицейские вживую, и они едва успевают перекрыть движение для полицейского кортежа. По мнению капитана, для того, чтобы так носиться по городу, нужно быть полностью сорванным человеком...

– Йоу! – только и сказал Дама, когда подобный кортеж пронесся прямо перед их носом, когда они сворачивали с Виа Франческо Сфорца на Корсо ди Понта Номана (название как песня). – Теперь я понимаю, почему у вас столько

чемпионов Формулы один².

– С похищениями так борются? – серьезно спросил капитан.

– И не только, – ответил брат Грегорио, – Рим во все квестуры³ в крупных городах посадил своих людей. Есть спецотделы, они борются с мафией, похищениями, особо опасными преступлениями. Их меняют каждый год, чтобы не успели обзавестись знакомствами и начать брать взятки. Люди без дома, без приюта, постоянно под прицелом. Так жить нельзя...

– Нельзя... – согласился капитан.

Пробиваясь через пробки, они вырулили на Беатриче д'Эсте – в итальянских городах была такая дикость, что улица после перекрестка могла иметь совсем другое название, видимо, было слишком мало улиц и слишком много знаменитых людей, которых нужно было уважить. Двигаясь по этой улице и дальше, – эта трасса была широкой и она как бы охватывала центр Милана полумесяцем – они прибыли на место.

Машину они оставили за километр – более опытный брат Грегорио сказал, что ближе не припаркуешься. Пошли по

---

² Была и в этом мире. Правда, как чисто европейское развлечение – автомобильные концерны соревновались в технологиях. В России, например, этапов не было.

³ Управление полиции, аналог ГУВД.

шумному, запруженному толпой тротуару – три человека в шумном, запруженном толпой городе, северной столице Италии.

Шумно. Довольно грязно – как объяснил брат Грегорио, бастуют мусорщики. Много туристов и много голубей, первых можно узнать по камерам-зеркалкам, о присутствии вторых – догадаться по голубиному помету, которым щедро были украшены здания и статуи. Здания, кстати, были роскошными – в основном постройки конца прошлого века – начала этого, еще до Мировой войны. Роскошные подъезды-парадные, причудливое оформление окон.

– Сколько стоит квартира здесь? – неожиданно для себя самого спросил капитан.

– Смотря какая... – пожал плечами брат Грегорио.

– Небольшая. На одного. В хорошем доме.

– На ваши деньги... около ста... ста двадцати тысяч фунтов стерлингов.

– Сколько?! – это была цена Белгравии, дорогого района британской столицы.

– Это еще немного. Здесь часто вкладывают деньги в недвижимость. Чтобы сохранить. В стране инфляция.

– Черт, почему вы не наведете порядок... – меланхолично проговорил Дама.

– А что, по-вашему, я здесь делаю...

Разговор сразу же стих – как гаснет свеча под порывом ветра. Два британских спецназовца и монах молча шли к це-

ли.

– Это здесь...

Капитан огляделся по сторонам, стараясь не привлекать к себе внимания. Присвистнул.

– Здесь всегда такое движение?

– Утром – нет. Поменьше.

Движение было чисто итальянское. Такое, что между машинами просто невозможно пробраться пешком, если только не по капотам. Удивительно, но эта стальная мешанина еще умудрялась двигаться.

Капитан посмотрел на крыши.

– Что там?

– Музей.

– А там?

– Доходный дом.

В доходном доме, значит, можно снять квартиру. Это хорошо.

– Нужна квартира. В доходном доме.

– Где?

– Как можно выше. По центру.

– Хорошо.

Капитан достал небольшой фотоаппарат, начал все снимать. Возможно, он не совсем был похож на туриста – но здесь до этого не было никому дела.

– Дама, что скажешь?

– Доходный дом – нормально. Если не опасаетесь побочных потерь.

– Их не должно быть, Дама.

– Тогда – не лучший выбор. Много народа.

– Вызвать пожарных, – предложил капитан, – в нужный момент. В панике скрыться.

– Как вариант...

– Все? – падре заметно нервничал.

– Нет. Я хочу пройти по маршруту.

– Это четыре километра.

– Значит, пройдем все четыре. И я хочу увидеть, как это все происходит. Завтра мы должны быть в это же самое время здесь. Точнее – один человек у того дома, откуда выезжает конвой, второй – здесь, третий – у места назначения.

– Это невозможно.

– Почему же?

– Вы засветитесь. Вызовете подозрения.

– Брат... Грегорио. Ваша задача – до завтра нанять еще две чистые машины. Это все, что от вас требуется. А теперь – давайте прогуляемся. Показывайте дорогу, падре. И показывайте нам что-нибудь... как будто экскурсию проводите...

– Это здесь.

Иезуитский колледж находился на одной из улочек, капитан не запомнил названия – слишком сложное, из нескольких частей. Высокое, ухоженное здание, постройка начала

двадцатого века, высокие окна с эркерами, лепнина – хотя видно, что новодельная. Построено не так, как в Британии – в Британии принято, чтобы вход в дом был со стороны улицы – а здесь здание как крепость, ворота во внутренний дворик и больше ничего. Ворота такие, что могут разъехаться две высокие кареты. Сейчас они закрыты.

– Это здесь?

– Да... Колледж святого Амвросия⁴...

Капитан понял, почему падре исключает операцию здесь. Первое – слишком узкая улица, она длинная и хорошо просматривается в обе стороны. Ее легко перекрыть. Второе – чуть дальше – сине-белая машина полиции. И не просто полиции – карабинеры, это что-то вроде имперской йоменри⁵ здесь.

Только в отличие от йоменов, которые даже Ее Величество охраняют – местные йомены не бдят, а спят в машине.

– Расскажите, как это происходит. Как заходят в это здание?

– Машина останавливается прямо напротив дверей. Они

---

⁴ Покровитель Милана, бывший епископ города.

⁵ Йоменри, йомены, по-видимому, это слово произошло от young man, молодой человек. Лично свободные люди, которые нанимались к рыцарям в вооруженные отряды. Во время британской революции йомены стали основой парламентской армии. Затем они постепенно стали исчезать, пока 24 ноября 1899 года королевским указом йоменри не была воссоздана как добровольная военная организация милиционного типа. В период двадцатого века йомены принимали участие во всех крупных сражениях и операциях британской армии, подавляли мятежи и проявили изрядную храбрость.

открыты в начале учебного дня и в конце. Все остальное время они закрыты – во время учебных занятий нечего шляться по улице.

– А эти полицейские? Они здесь всегда?

– Да. Здесь учатся дети многих достойных семей города.

Слишком велик риск похищений...

Один из полицейских проснулся, сонным взглядом осмотрел улицу...

– Вон там я вижу кафе. Пойдемте, посидим там.

Из кафе – а итальянские кафе – это своего рода маленькая вселенная, здесь можно сидеть целый день с одной чашкой кофе – они видели все остальное, и капитан окончательно отменил идею похищения здесь. Многих детей забирали на машинах, машины были представительского класса, многие бронированные. Вся улица запружена. Не уйти.

– Вот он! – голос падре звенел как струна.

– Тише...

Капитан прихлебнул кофе, равнодушным взглядом смотря вдоль улицы. Черный «Даймлер»... так называемый «короткий пульман» с двенадцатицилиндровым мотором, старомодная и достаточно неповоротливая машина. Сделали все быстро – машина притормаживает, открывает дверь – все. Потом она прошла мимо них... стекла не тонированные, уже хорошо. Следом шла черная «Ланчия Тема», тоже бронированная. С виду скромная, но там мотор от «Феррари Дино». Официальная правительственная машина, ею поль-

зуются депутаты, судьи, министры. Шла плотно, не отрываясь от «Даймлера». Пока все было на твердую четверку, даже с плюсом.

Красиво, красиво...

Машины прошли. Капитан обратил внимание, что даже в плотном городском потоке водитель «Даймлера» оставляет себе место для возможного маневра... это истинный профессионализм. На дороге такого не прижмешь, таран тоже не будет иметь успеха...

– Останавливаются... – напряженно сказал Дама.

– Заткнись.

Капитан собирался снимать – но сейчас не решился. Слишком опасно...

«Даймлер» подрулил прямо к порогу, «Ланчия» остановилась, перекрыв движение и не обращая внимания на возмущенный шквал автомобильных гудков сзади. Из «Ланчии» высадились двое, мужчины, смотрят правильно, один назад. Из «Даймлера» высадилась женщина, только потом ребенок. Маленький, его почти не было видно. От колледжа шагнул привратник, детина ростом много больше шести футов, женщина и ребенок ступили на тротуар. Женщина держала ребенка все время за руку, на боку сумочка, под рукой висит. Привратник кивнул, женщина отпустила руку ребенка. Привратник прикрывал его своим телом со стороны улицы, ребенок сделал три шага и самостоятельно открыл высокую узкую дверь. Только после этого женщина повернулась и

пошла обратно к «Даймлеру», привратник занял свое место. «Даймлер» покатился с места, следом за ним устремилась и «Ланчия». Все...

– Серьезно... – выдохнул Дама.

– Засек?

– Да. Тридцать одна секунда.

Тридцать одну секунду ребенок находился на тротуаре, вне машины. Всего тридцать одну секунду. И всего пять-семь секунд – вне контроля взрослых, то есть его никто не держал за руку. Всего на тротуаре – четверо стрелков, пути атаки перекрыты как со стороны обеих сторон тротуара, так и со стороны самой улицы. Открыт путь атаки со стороны самого заведения – но это под большим вопросом. Даже если переодеться монахами – в таких заведениях все и всех знают, их действия сразу вызовут подозрения, один человек еще, может, и пройдет. Но никак не четверо. Второе – до самого последнего момента объект атаки будет закрыт, и что творится на тротуаре перед воротами – атакующим будет неизвестно. Конечно, можно посадить наблюдателя с рацией, но все это слишком ненадежно.

Со стороны дороги все перекрыто отлично, просто машинами. Быстро не уйти. Атаковать со стороны тротуара – быстро снять всех четверых с гарантией и с гарантией же не зацепить ребенка – практически невыполнимая задача. Нет, они, конечно, отрабатывали так называемые «мгновенные действия» – стремительная пистолетная атака в город-

ских условиях, шесть выстрелов в цель за три секунды максимум. Но в этих упражнениях не было ребенка. К тому же – оставшиеся в «Ланчии» и водитель «Даймлера» тоже открывают огонь.

– У вас есть мотоцикл, падре?.. – спросил капитан.

– Мотороллер, сын мой. Очень удобно.

– Нет. Достаньте мотоцикл. Большой и шумный, поняли, падре? Большой и шумный. Очень шумный. И шлем. Закрытый. Теперь пошли отсюда...

Капитан уже принял решение. Осталось его проверить...

Выпотрошить глушитель было делом довольно простым. Падре пригнал «Мото Гуцци» – своеобразный мотоцикл с мощным оппозитником, они были популярны даже в Североамериканских соединенных штатах. Пригнал... громкое определение, он привез мотоцикл в своем фургончике и попросил сгрузить, а сам стоял рядом с выражением крайнего неодобрения на лице.

Как и многие британские офицеры, капитан имел мотоцикл, а в молодости увлекался мотоспортом – извилистые, узкие дороги на острове этому способствуют. На немного доделанном мотоцикле он пристроился к кортежу на следующий день в самом конце его пути. Он и не думал следить всю дорогу – обязательно бы обнаружили. Пристроился на кольцевом движении...

Когда «Ланчия» перекрыла дорогу, он выждал, пока вы-

ведут ребенка, и газанул. Хорошо так газанул, как в старые добрые времена, когда они гонялись «по горам по долам», – это называлось грязевые гонки....

– Так... еще раз...

Дама снимал издалека. Закошил под туриста. Камера, правда, была профессиональная. Да еще с насадкой – но не должны были заметить. Дама был осторожен.

Снова пошла пленка. Камера была хорошей – снимала на VHS стандарт, можно было сразу на видак – и смотреть.

На экране, замедленное в два раза, шло действие.

– Смотри, как «шесть» прикрыли... – обронил Ноланд.

– Да, хорошо...

Охрана и в самом деле была профессиональной. Именно такой, какой и должна быть охрана. При таком раскладе похищение – дело почти бесполезное.

Оружие не выхватывают, как американские ковбои в кино, но сектора держат цепко и грамотно. Пара из «Ланчии» – держат «три» и «шесть», дама держит «двенадцать», ребенка прикрывает своим телом, и у нее в сумочке пистолет. У привратника пистолета, видимо, нет – но такого здоровенного бугая с гарантией свалишь только сдвоенным картечным зарядом в лицо. Реакция мгновенная, на резкий звук повернулся только один – тот, кто и должен контролировать это направление.

– Молодцы... – прокомментировал капитан.

Скрипнула дверь.

– Молитесь за нас, падре... – сказал капитан.

– Сын мой, к Господу обращаются не с сарказмом, а с верой. Ибо он – всепрощающ...

– Да у меня и мысли не было...

– Вы готовы?

– В какой-то мере.

– У вас есть план?

– Да. Нужен гранатомет. Ракетная установка, что-то в этом роде...

– Исключено.

– Почему же?

– Это город, сын мой! – разозлился падре. – Во что ты его вознамерился превратить...

– Эй, падре! – сказал Ноланд. – Вообще-то нам это все и в хрен не случилось. Дайте отбой, и через час нас не будет в стране, о'кей?

– Ноланд, заткнись, о'кей? – сказал капитан. – Можно решить и тише. Но трупы все равно будут – всю охрану придется убрать.

– Это неважно.

– Тогда сделайте, чтобы прямо у колледжа остановка была запрещена. Нужно, чтобы последние метров сто женщина с ребенком проходили пешком.

– И как это сделать?

– Как-как... – проворчал сообразительный Дама, – по-

весьте знак. Только не поддельный, проверят. Организуйте пару возмущенных звонков в мэрию... или как там она у вас называется. Мол, в самый час пик перегораживают улицу.

– Верные идеи, – сказал капитан, – в конце концов, колледж ваш. И у вас есть возможности. Хотите сделать чисто – помогите нам.

– Хорошо... – сказал падре.

Дама снял комнату в доходном доме, владелица почему-то подозрительно посмотрела на него, но ничего не сказала. Большая иллюстрированная энциклопедия католических церквей, очки в роговой оправе и черный берет должны были подсказать владелице доходного дома, что перед ней – студент, скорее всего архитектор, приехавший сюда, чтобы изучать средневековую архитектуру. Дама заплатил за месяц, включая залог, итальянскими лирами, без вопросов.

Ночью в здание проник капитан. Путь до дома он запомнил отлично – он всегда запоминал путь, по которому однажды прошел или проехал, и мог воспроизвести его даже через добрый десяток лет. Охранной сигнализации не было, замок был совсем никакой...

Вчера улицу перекрыли для ремонта. Вообще – то есть раскопали. Ничего необычного в этом не было – в городе то и дело текли трубы. Несколько дней у них было.

Утром они засели на позиции для наблюдения, каждый в своем окне. Квартирка была маленькой, окна было всего

два – кухня и гостиная. Для того чтобы не засветиться, прикрылись тюлем, через него прилично видно то, что происходит на улице, но не видно тебя. Капитан увидел внизу брата Григорио – тот прогуливался как простой турист.

Цель появилась внезапно – капитан узнал «Ланчию», она на сей раз шла первой. Следом за ней, но с солидным отставанием шел «Даймлер». «Ланчия» прикрывала спереди, в ней четыре охранника, солидная сила. Капитан понял, что цель уже в его поле зрения.

Мальчик был невысоким, худеньким – капитан поймал его в прибор наблюдения. Серьезное лицо, этакий зубрилка. Строгий костюмчик, папка под мышкой, круглые очки. Почему-то он выглядел несчастным, угрюмо-сосредоточенным, этакий маленький старичок...

– Есть... – сказал Дама.

– Вижу.

Один к одному – дамочка, которая его охраняла, шла слева, шагах в пяти. Не перекрывая линию прицеливания – точнее, это пацан не мешал целиться по ней. Впервые удалось ее нормально, не спеша, рассмотреть и запомнить – в скоротечной перестрелке помнить лицо противника очень важно. Джинсы... довольно привлекательная, за тридцать уже. Короткая стрижка, оружие в сумочке – а это ошибка. Сумочка раскачивается как попало при ходьбе, быстро оружие не достанешь. Прохожих достаточно много – но это не проблема...

Мальчик, а за ним и женщина, вышли за пределы зоны уверенного поражения, и капитан нажал кнопку секундомера. Одна тридцать две – по сравнению с тем, что было, – целая вечность!

– Сколько у вас, сэр? – вышел из кухоньки Дама.

– Одна тридцать две.

– У меня сорок одна, сэр.

Все правильно. Низкий, движущийся в дорожном потоке седан – куда худшая цель, чем идущая по относительно свободному тротуару женщина с ребенком. Значит, и работать надо от нее.

– Работаем от тебя, – решил капитан, – ты сможешь сделать как надо?

– Да, сэр. Придется использовать норвежские патроны.

– Норвежские... Хорошо. Четыре выстрела за сорок одну секунду.

– Я готов, сэр. На самом деле готов.

Капитан принял решение.

– Хорошо. Работаем от тебя. Ты сам решаешь, действовать или нет, если даешь отбой – повторим через пару дней.

Капитан врезал кулаком по подоконнику – все происходящее ему чертовски не нравилось. Он не особо одобрял религию, как и все дети своего времени, был немного атеистом. Но еще больше ему не нравились ублюдки в рясах, убивающие людей. Он стал понимать, что в Северной Ирландии Римская Католическая церковь далеко не посредник и не ми-

ротворец, и все, что там происходит, – происходит далеко не просто так.

– Черт бы побрал этих попов.

Про себя он решил, что если ему выпадет возможность исполнить какого-нибудь попа – он этой возможности не упустит.

Милан

День Д

Совершенно недопустимо класть винтовку цевьем на подоконник, так что ствол с дульным тормозом высовывался на метр, – Дама это отлично знал, практика в Ирландии и многих других неприятных местах давала о себе знать. Он поступил так, как поступало большинство его коллег, – купил показавшийся ему подходящим массивный профессиональный штатив для фотокамеры и уместил на нем винтовку, тем самым сократив то, что в британской армии называли «временем реагирования», по грубым прикидкам – примерно вдвое, до двадцати секунд. Но, учитывая то, что у него была не старая, затворная, а полуавтоматическая винтовка, этого было вполне достаточно. Ноги штатива он просто прибил к полу скобами, которые купил в скобяной лавке.

Утром Дама перед тем, как съесть легкий завтрак, почистил орудие своего труда – снайперскую винтовку «МакМиллан». Это была необычная для североамериканцев винтовка, не с ручным затвором. Разработанная Робертом Пауцем, искусству оружейника обучавшимся в Российской империи и позаимствовавшим для механизма своей винтовки старую, отвергнутую самими русскими схему Токарева. В отличие от Рональда Барретта он не смог организовать собственное

коммерчески успешное производство своих винтовок и продал патент крупной оружейной фирме «МакМиллан», которая до этого не имела опыта производства полуавтоматического оружия. Винтовка была дорогой и в каких-то аспектах уступала винтовке Барретта, но по странному стечению обстоятельств именно ее выбрали британские вооруженные силы для мелкосерийных закупок, и именно она попала в SAS. Здесь вообще была какая-то странная тенденция – в Британии всегда закупали патенты, организовывали производство тех образцов, которые проиграли на конкурсах в других странах, в основном в САСШ. Вероятно, Королевский оружейный арсенал в Энфильде имел мохнатую лапу на самых верхах и подобным образом элегантно прикрывал собственную беспомощность в разработке новых видов стрелкового вооружения: легче сослаться на недостатки изначального патента, чем отвечать за свое.

Тем не менее Дама был уверен, что пять из пяти – эта винтовка сработает. Он перебрал ее всю, смазал все, что нуждалось в смазке, всухую проверил работу механизма. Винтовка работала.

Установив винтовку в штатив, Дама присоединил к ней короткий, угловатый магазин на пять патронов. Патроны были необычными, они больше походили на произведение искусства, нежели на боевые патроны, стоили очень дорого. Их разработку финансировали на паях Российская империя и Священная Римская империя германской нации, а

для производства выбрали фирму «RAUFOSS» в маленьком нейтральном Норвежском королевстве. Эти патроны как бы творчески развивали идею пуль дум-дум производства Британского Ишрапурского арсенала, запрещенных международными конвенциями. Только если пули дум-дум были примитивными – капелька ртути внутри, то здесь в головке патрона был порошок магния и своеобразный молоточек. При встрече с броней – сначала острый носик пули пробивал броню, молоточек бил по металлическому порошку магния и воспламенял его, огненные искры воспламеняли топливо в заброневом пространстве. Разрушения, какие должны были причинить эти пули небронированной машине, были и вовсе чудовищными, ибо эти патроны предназначались для борьбы с армейской техникой. След от их использования должен был вывести либо в Берлин, либо в Санкт-Петербург, тогда эти патроны не были распространены в силу их дороговизны. Но М1-5 их достала...

Дама резко отвел на себя затвор и отпустил – патрон с черно-красной головкой скользнул в патронник. Когда он впервые имел дело с этими патронами, он боялся, что патрон взорвется в патроннике и оторвет ему башку на хрен...

Прицел был необычным для этого типа винтовок – «Aimpoint», Шведского королевства, всего с трехкратным увеличением, в стальном корпусе. Он был не оптическим, а коллиматорным, то есть позволял целиться, имея открытыми оба глаза. Британцы экспериментировали с дробовика-

ми крупного калибра (использовался восьмой и десятый калибры) с шестидесятых, ставили на них электрооптические прицелы с бомбардировщиков и обстреливали повстанцев с вертолетов на Индийском субконтиненте. Сейчас трехкратное увеличение было идеальным для выстрела на дистанцию в сто семьдесят ярдов, и Дама знал, что прицел выдержит отдачу, потому что сам не раз его проверил.

Наведя прицел на «метку» – часть ограды парка, по которой кто-то мазнул ради хулиганства белой краской, – он убедился в том, что белая краска видна отлично.

– Первый – проверка, – сказал он в дуплексную рацию, закрепленную на плече.

– Второй – есть.

– Третий – есть.

Снайпер в такой операции был номером первым, полевой стрелок – номером вторым. Машина прикрытия, на которой следовало покинуть место происшествия, – номером третьим. Вторым номером был капитан, еще двое ждали в машине. В крайнем случае им придется сматываться пешком, моля Бога, чтобы карабинеры не успели первыми. В Милане свирепствовал коммунистический и анархистский террор, конечно, не так, как семь-восемь лет назад, но все же. И миланские карабинеры сначала стреляли, потом задавали вопросы.

Капитан Питер Прайс для операции взял тот же самый мо-

тоцикл, который купил, чтобы симитировать нападение за счет грохота глушителя: от добра добра не ищут. Для анонимности он раздобыл и нацепил на себя яркий мотоциклетный комбинезон итальянской сборной по Moto GP, Гран-при по мотоциклам. Если хочешь что-то спрятать – положи это на самое видное место. Он до конца не решил, как будет действовать, и опасался, что будут проблемы.

Мысли все время возвращались к ребенку. Зачем католикам этот ребенок? Почему он так им нужен, что ради него они готовы убивать людей? Какое отношение британское правительство имеет к этим католическим заговорщикам, проклятым иезуитам? Или к этому не имеет никакого дела британское правительство? А что, если их сюда послали незаконно?! Что, если они, находясь здесь, сами совершают преступление?

Капитан задумался о том, что Великобритания, наверное, единственная страна в мире, где нет четкого прохождения приказов даже для сил спецназа. Черт бы все побрал. Координатором британской специальной программы (GSO1, командующий специальными операциями при армейской штаб-квартире) на данный момент был генерал-лейтенант, сэр Майкл Роуз. Все приказы их полковнику – на данный момент это был полковник Джон Т. Холмс⁶ – могли отдаваться совершенно без бумажной процедуры, неофициально, при встрече в Клубе офицеров армии и флота и в тому

---

⁶ Имя подлинное. В нашем мире командовал SAS с 1989 по 1992 год.

подобных местах. Полковника могли вызвать в шпионский дом или в зикурат⁷ и в ходе беседы за чашкой чая попросить выделить несколько человек для той или иной деликатной операции. Полк использовали в том случае, если тонкие методы британской разведки требовалось подкрепить чем-то более существенным, чем хитрость. Для таких дел в самом полку существовало CRW, counter-revolutionary warfare, крыло контрреволюционной войны. Полк делился на сабельные эскадроны, – но в CRW были люди из всех эскадронов, более того, в боевые группы старались включать людей из разных эскадронов, чтобы получить максимально сбалансированную группу, где недостатки одного перекрывают достоинства другого. Солдаты этого крыла знали как минимум три иностранных языка, прошли проверку на благонадежность по уровню Альфа, как и сотрудники разведки, получали дополнительные выплаты за свои труды и быстрее продвигались по службе, потому что работали, получается, на самые верха. Обратной стороной этого было то, что все они работали анонимно и понимали, что если попадутся – Британия никогда не признает, что они работали на нее. Капитан был к этому готов – но сейчас он впервые задумался, а правомочны ли те, кто отдает им приказы? А что, если нет? А что, если это антиправительственные заговорщики? Мало ли... в свое время католики едва не взорвали Короля⁸!

---

⁷ Неофициальные названия штаб-квартир M-15 и M-16 соответственно.

⁸ Знаменитый «пороховой» заговор Гая Фокса.

Его дернуло током, он даже подпрыгнул от неожиданности. Удар был слабым, он шел от часов на руке, часы были не механическими, а с батареейкой, этакая примитивная система оповещения. Не было и речи о том, чтобы пользоваться рациями, а новомодные телефоны, которые называли «мобильными», были размером не меньше, чем рация, и во всех странах, кроме САСШ, вызывали удивление⁹.

Идут...

Капитан собрался. У него был ирландский опыт: три – пять секунд жестокой уличной перестрелки и несколько трупов. Там он научился видеть затылком и автоматически оценивать машины на предмет заложенной взрывчатки – где она есть, амортизаторы сильно проседают...

Прошла «Ланчия». Как раз в этот момент он припарковал мотоцикл. Слез с него... все движения были как в немом кино, чуть замедленные. У опытных оперативников восприятие времени именно такое, это позволяет действовать быстрее...

Чуть пружиня – мотоциклетные сапоги были немного неудобными – он ступил на тротуар. Только не смотреть назад... только не смотреть назад. Женщина рядом с ребенком поймет первый же взгляд... и все кончится. Он не успеет

---

⁹ Первые мобильные телефоны появились в Священной Римской империи в 1952 году, сеть называлась А-netz. Но первые коммерчески успешные мобильники выпустила «Моторола» в САСШ, она же на долгие годы стала разработчиком стандарта мобильных сетей. Первым коммерчески успешным мобильником была «Motorola ДупаТАС» размером с кирпич.

первым – ему придется разворачиваться на сто восемьдесят, а ей – только выхватить пистолет и прицелиться...

В голове словно метроном стучал.

Мазок белым на ограде – пошел отсчет. Женщина не обогнала его... сто чертей!

Они не рассчитали кое-что. Женщина идет и держит за руку ребенка школьного возраста – она никак не сможет идти быстрее. Он ошибся всего на несколько секунд со временем...

«Ланчия» была впереди, Дама уже должен был взять ее на прицел. Давай, сукин ты сын... давай...

Хлопнуло – есть! Как удар молотком и вспышка – на крыше машины. Вспышка блеклая, мимолетная, звук похож на удар молотком по бочке...

Капитан начал разворачиваться. В руку скользнул двухствольный дерринджер ружейного четыреста десятого калибра, каждый ствол заряжен патроном с толкателем, только вместо дроби – мягкая свинцовая пуля с выемкой...

Женщина не растерялась – толкнула в сторону ребенка, чуть присела, рука уже вырвала из сумочки пистолет.

Хлоп!

Выстрел капитана был второй, женщина успела первой. Мягкая свинцовая пуля произвела просто чудовищные разрушения. Вместо левого глаза появилась пульсирующая красная рана, затылок разлетелся на куски, брызнула во все стороны бурая жижа...

«Вальтер». У нее был полицейский «Вальтер» с глушителем, длинная трубка глушителя отняла у нее секунду... даже меньше – но этого хватило. Если бы не это – она бы успела нажать на спуск еще как минимум два раза, причем стреляла бы уже прицельно. И капитан был бы мертв или тяжело ранен...

Капитан повернулся к уже поднимающему обрез короткого помпового ружья водителю... и тут сказал свое слово Ноланд, прикрывавший его, уличного стрелка. В своей небольшой, верткой «Альфе» он заранее опустил все стекла и сейчас всадил в водителя «Даймлера» все семь пуль из льежского бесшумного «Нагана». Затылок водителя был не такой простой целью, поэтому он выпустил все, что было в барабанах. Как минимум одна пуля попала в цель – водитель рухнул на проезжую часть, под колеса...

Тяжело топя, капитан подхватил оцепеневшего от ужаса ребенка и вместе с ним бросился к остановившейся «Альфе». Ноланд готов был бросить гранату... но нет, все обошлось.

Только сейчас кто-то закричал – надрывно, на одной высокой ноте.

Капитан Прайс сунул ребенка Ноланду, затем ввалился в машину сам. Только сейчас он понял, что ранен.

– Окей?

– Гони – гони – гони!

Ноланд нажал на газ. Крутанулся на кольце... Они все ис-

пользовали только бесшумное оружие, за исключением Дамы, но выстрелы даже пятидесятым калибром в городской среде маскируются уличным шумом, и сразу определить, откуда стреляли, почти невозможно. Их машина... обычная машина, они специально берегли ее на отход, она даже не угнана, а законно куплена. В паре кварталов в подземном гараже ждет еще одна... в ней подготовлен в багажнике тайник для ребенка, на ней они выберутся из города...

– Вы в порядке, босс? – озабоченно спросил Ноланд.

Бок наливался тупой болью. Капитан сунул руку... тепло. Поднял руку, посмотрел на окровавленные пальцы...

– Все...

Наваливалось странное оцепенение... но он знал, что выдержит, не подойдет в этой гребаной, лживой стране.

– Все... пора с этим завязывать... на хрен. С меня хватит...

Точно то же самое думали еще двое... трое из четверых бойцов патруля контрреволюционного крыла САС. Только понятие «завязать», равно как и путь к этому, представлялось им совсем по-разному...

Падре дождался их на своем фургончике в нескольких километрах от Рима. В нескольких километрах на юг, по дороге в итальянскую глубинку.

Темно-синяя, сильно похожая на полицейскую «Альфа» подрулила вплотную, фургон перекрывал обзор для любо-

пытных и закрывал обмен с дороги. Бойцы САС подняли заднее сиденье и передали одетому в мирскую одежду священнику усыпленного мальчика. Сделал себе укол и капитан – пуля застряла в теле, но он вколол себе антибиотик, перевязался, внутреннего кровотечения не было – и до Гибралтара он вполне мог дотянуть.

Священник принял мальчика, положил его где-то в глубине фургона. Вернулся – к боковой дверце...

– Господь да благословит вас, дети мои, вы сделали угодное Ему дело... – сказал он.

– Ах ты б... – не выдержал Кьюсак.

Капитан Питер Прайс, переодевшийся в толстовку и выкинувший по дороге окровавленную одежду, здоровой рукой придержал своего подчиненного.

– Остынь, – веско сказал он.

Кьюсак повиновался.

– Послушайте, падре... – сказал капитан, – мне плевать, кто вы есть на самом деле, чем вы занимаетесь и какие у вас дела с моей страной. Но послушайте добрый совет. Если вам доведется в будущем столкнуться с кем-то из нас – в ваших интересах перейти на другую сторону улицы первым. Вы не нравитесь моим людям, и вы не нравитесь мне. А тех, кто нам не нравится, мы обычно убиваем...

С этими словами капитан Питер Прайс резким толчком захлопнул боковую дверь фургона и сел в свою машину. У него было чувство, что ничем хорошим это не закончит-

ся...

Оставшись в одиночестве в закрытом фургоне, аббат какое-то время сидел на коробке и размышлял. Размышлял о соотношении добра и зла в делах человеческих, как его учили. Зло ли, если сделано к вящей славе Божией?

Нет, не зло...

– К вящей славе Божьей... – пробормотал аббат затверженную формулировку, оправдывающую любое совершенное им зло.

И потянулся к ящичку для инструментов, где в футляре лежал заранее приготовленный небольшой хирургический скальпель...

Предчувствия не обманули капитана 22-го британского полка специального назначения Питера Прайса. Они вернулись в Британию, к службе – но через год с небольшим их собрали вновь. Новая цель находилась в Бейруте – ее следовало тихо похитить и как следует расспросить об операциях русской разведки.

Старший лейтенант русского флота князь Александр Воронцов оказался британцам не по зубам. Ни один из них не вернулся с того задания живым...

03 июля 2014 года

Рим, мост Сантанджело

Конечно же, Крис не уехала ни в какую Англию. Вместо этого она поездом с вокзала в Палермо приехала в Рим. По пути купила себе новый коммуникатор, вышла на свой сервер. Скачала информацию и прослушала ее. И бросилась на холм, полный бурских снайперов, уже заряжающих свои новейшие «Маузеры» и ловящих в прицел маленький, меньше человеческого ногтя, силуэт человека, гарцующего вдалеке на белом генеральском скакуне.

Около офиса рядом с мостом Сантанджело стояли машины – грузили мебель. Крис сказали, что это здание продано, а барон Карло Полетти собирается уезжать из страны.

Она метнулась по его римскому адресу – и застала его там. В узком переулке, где еще стоял едва уловимый запахок гари сгоревшей человеческой плоти, стояли машины, стоял грузовик. Вооруженные люди перекрыли дорогу с обеих сторон. Было дико видеть это в Риме, почти в самом его туристическом центре – как будто бы шла война.

Ее перехватили, прижали к машине и грубо обыскали, сначала руками, затем с помощью прибора, определяющего наличие взрывчатки и оружейной смазки. Все это происходило в самом центре столицы цивилизованного мира, в ме-

сте, откуда и пошла современная цивилизация.

– Я хочу поговорить с бароном! Я Кристина Уоррен, журналистка! Отпустите, как вы смеее! Мне нужен барон!

Она так и не поняла, почему эти люди отступились от нее. И лишь обернувшись, увидела барона. Барона Карло Полетти... счастливого?

Нет, это нельзя было назвать счастьем. У счастливых людей не бывает таких усталых улыбок. Улыбок людей, разочившихся верить во что бы то ни было и воспринимающих мир со снисходительной усталостью мудрого человека, как копошение лесных мурашей под ногами...

– Что вам нужно? – спросил барон.

– Я...

Крис вдруг смутилась. В самом деле – а зачем ей правда, если она ее уже знает? Для чего она сюда приехала? Чтобы еще раз рискнуть? Чтобы задать этому человеку несколько глупых и бессмысленных вопросов?

Что может быть глупее?

– Нам... надо поговорить.

Барон поманил ее пальцем – и ряды преторианцев сомкнулись за ее спиной.

– Пойдемте. Времени немного, но оно есть. Я уезжаю...

Они пошли, рука об руку, сопровождаемые многочисленной охраной. Крис спотыкалась на булыжной мостовой, но упорно шла.

– Эта... женщина? – вдруг спросила она.

– Какая женщина?

– Ваша... жена.

– Ну, да...

– Она ведь не просто так здесь, правильно? Это так?

Она все еще не могла забыть баронессу, хотя видела ее всего несколько секунд.

– Да... – сказал барон, – не просто так...

– Откуда... она. Откуда она взялась?

Барон покачал головой.

– Вам лучше не знать. Есть то, о чем опасно не только говорить, – о чем опасно даже думать. Зайдемте сюда...

Они зашли в дом. Грузчики выносили последнюю мебель, в здание следом за ними охрана не пошла.

– Хороший дом, правда? – спросил барон.

– Вы считаете, это стоило того?

– Что именно?

– Ну... жизнь вашего сына...

Крис понимала, сколь жесток этот вопрос. Но не задать его она не могла.

– Джузеппе... Вы от князя Воронцова?

Крис могла бы сказать, что да. Теперь (она цинично усмехнулась) у нее есть кое-какие права, чтобы говорить так. Но врать она не хотела.

– Нет.

– Жаль. Тогда вы меня не поймете.

– О чем вы?

Барон вздохнул.

– Вопрос не в Джузеппе. Идет война. Никто из нас – и я в том числе – не знает всего размаха этой войны. Джузеппе всего лишь одна из жертв... как я... как все мы. Она идет с давних времен, когда свергали пап и травили королей. Она идет и сейчас – невидимая, тайная война. Я не смогу победить в этой войне. Но я смогу нанести удар, который потрясет основы.

– А князь Воронцов? Он тоже участвует в этой войне?

Барон пожал плечами.

– Да... хотя сам не знает этого. К нему тоже подберутся... но не сразу. Вот, посмотрите.

Барон резко отдернул занавесь – они как раз были в бальном зале, – и Крис не смогла сдержать испуганного крика.

– Тише... – поморщился барон.

В нише – по старой моде в бальной зале были ниши, где можно было даже уединиться, укрывшись под тяжким занавесом парчи, – была распята молодая баронесса Микелла. Кто-то с недюжинной силой прибил ее кинжалами к стене, вырезал глаза и перерезал горло...

Все вопросы, которые Крис намеревалась задать, чтобы уличить барона во лжи, чтобы обвинить его в сатанизме, в поклонении древним культам, в участии в человеческих жертвоприношениях, в убийствах, вылетели у нее из головы, когда она смотрела на этот ужас...

– Кто... зачем... это...

– Это сделал я, – сказал барон.

– Но... зачем?

– Она пыталась меня отравить. Но это неважно. Идет война. Вы так этого и не поняли? Отдельные люди – ничто в войне добра и зла. Я бегу из Рима. Бегите и вы... и не оглядывайтесь. Осталось совсем немного... нам всем осталось совсем немного.

Крис посмотрела на черную кровь, скопившуюся у ног баронессы, обутой в модные туфли на платформе. А потом – она повернулась и бросилась бежать. Барон не пытался ее остановить, он просто стоял один в опустевшем навсегда балльном зале и даже не смотрел ей вслед...

В себя Крис пришла только на набережной Тибра. По уложенным здесь столетия назад камням шли люди, через мост текли автомобили, неспешно плыли высвеченные изнутри как аквариумы туристические автобусы – а она просто брела в человеческой толпе, сама не зная, куда. И перед глазами стояла зверски убитая баронесса Микелла Полетти.

Что нужно делать в таком случае? Сообщить в полицию? О человеке вне всяких подозрений? Полицию, которая двадцать с лишним лет не может найти похищенного подростка?

Молиться Господу? Которому? Тому, чьи наместники сидят вон на той стороне старого Тибра, в окровавленном папском дворце?

– Синьорита...

Крис не поняла, что обращаются к ней, пока чья-то рука не легла на ее плечо. Она подняла глаза – и увидела карабинера в темно-синей форме. Ее лицо двоилось в стеклах его солнцезащитных очков.

– Синьорита, вам плохо? На Солнце сегодня большая активность, нельзя ходить без шляпки.

И тут она почувствовала, что ей и в самом деле плохо...

05 июля 2014 года
Швейцарские Альпы
Кантон Вале, южнее
деревни Церматт
Владения барона Карло Полетти

Теперь, когда информация, полученная от старого барона ди Адрано, была быстро и успешно реализована и освобожденный предположительно сын барона Полетти находился в лазарете русского ударного авианосца «Николай Первый», настало время поговорить с бароном Полетти по душам. И расставить все точки над і.

Швейцарский особняк итальянского банкира, наследного барона Карло Полетти располагался на самой границе Италии и Швейцарской Конфедерации, в кантоне Вале – кантоне, в котором итальянская речь превалировала над всеми остальными. Швейцария прошла долгий путь от страны – поставщика наемников до мировой банковской копилки не в последнюю очередь благодаря гибкой политике. Политическая система этой страны была уникальна – называлась она Конфедерация, но во внешней политике, в вопросах обороны и безопасности правам центра могло позавидовать любое централизованное государство. Швейцарцы уперты и жесто-

ки – мало кто знает, что во времена Кальвина, сошедшего с ума проповедника-реформиста, в этих горах от скорых и неправедных церковных судов погибло больше людей, чем в Испанском королевстве во времена инквизиции. Швейцарцы хитры и скрытны – гражданство предоставляется не Конфедерацией, а конкретным кантоном, вопросы гражданства решает кантональный совет, состоящий из наиболее уважаемых людей кантона, – то есть обычно это адвокаты и банкиры, те, у кого много денег, причем – денег чужих. И вопрос о гражданстве решается в зависимости от того, сколько денег ты положишь в местный банк и какого адвоката ты наймешь... как-то так. Кантон Вале примыкал к итальянской границе, и здесь давали приют богачам, бегущим от творящегося на родине безумия или просто не желающим платить крайне высокие итальянские налоги. В числе таких вот «беженцев» был и барон Карло Полетти, учившийся своему искусству у швейцарских гномов и купивший здесь виллу.

Следовало бы посетить мемориал, посвященный подвигу солдат фельдмаршала Суворова, пересекших Альпы, когда это считалось практически невозможным, – но, к своему стыду, я не сделал этого. В Лугано, куда я прибыл, я нанял машину, типичный для здешних мест небольшой седан «Хорьх» с полным приводом и трехсотсильным мотором, и направился в сторону деревни Церматт, ставшей за последние годы небольшим городком, но по-прежнему числящейся деревней. Дорога проходила как раз в тех местах, где шел

Суворов, горные кручи сменялись впечатляющими обрывами и пропастями, дорога была узкой и смертельно опасной даже сейчас, летом, когда на ней нет льда. Ни разу не ездивший по такой дороге, я сделал наиболее разумное в такой ситуации – встроился в дорожный поток. То и всем советую: если не знаете дорогу, ее коварные места, ловушки – просто встройтесь в поток и поезжайте как все. Так намного больше шансов приехать живым, чем если гнать на все деньги...

Природа здесь была красивая и грозная. Кое-где на скалах зеленели проплешины альпийских лугов, но коровы здесь не паслись – никакая корова не взберется на столь опасные кручи. Встречались живущие за счет горного туризма и приезжих из Италии деревушки. Швейцарцы бережливы, даже скарредны – многим домам больше сотни лет, они построены из дерева, обиты потемневшим от времени тесом – так выстроены даже двух-трехэтажные гостиницы, за ночь пребывания в которых с вас запросто смогут содрать сотню рейхсмарок¹⁰ и назвать отсутствие элементарных удобств экзотикой. Машины тоже в основном были старые, неприметные, но я знал, что это самые мощные машины в модельном ряду – распространенные в Священной Римской империи слабые, но экономичные двигатели для местных гор не подходят. Машины туристов выделяются яркостью, как и сами ту-

---

¹⁰ Рейхсмарки имели хождение по всей Европе, их можно было использовать в качестве платежного средства везде. Впрочем... наверное, взяли бы и менее уважаемыми лирами, швейцарцам плевать, какие деньги, главное – деньги.

ристы – швейцарцы не любят ни шума, ни эпатажа. В деревянных избах, похожих на дома крестьян близ Архангельска, продаются часы «Ролекс» по сотне тысяч рейхсмарок за штуку и одежда от «Гуччи». В одном месте, на затаянном спуске, я увидел торчащие из скалы современные оружейные стволы горной крепости, в другом – срывающийся с горной площадки самолет. Швейцарцы единственные в Европе закупили североамериканские ударные самолеты «Хорнет», причем в варианте для авианосцев – просто большая часть их аэродромов построена по типу сухопутных авианосцев и базируется в горных пещерах. Как-то раз офицеры Генерального штаба, исключительно для отработки оперативного искусства, составляя план захвата Швейцарской Конфедерации, рассчитывали потребное количество сил и средств. Оказалось – для захвата этой маленькой горной страны только в первом эшелоне наступления потребно иметь не менее четырехсот тысяч обученных солдат, причем идти вперед они смогут только после длительной и опасной бомбардировочной кампании, силами не менее чем трех эскадр стратегической авиации...

Проехав Церматт, запомнившийся подъемниками, электромобилями, сбором в одну тысячу рейхсмарок на сбережение природы с тех, кто электромобилем не обзавелся, и теми же шикарными витринами в деревянных домах, я направился на юг, в сторону границы, высматривая указатель, где съехать с дороги. Мелькнула мысль, что, раз уж попал в

Швейцарию, неплохо было бы обновить часы – но я от этой мысли отмахнулся. Не до часов сейчас...

Съезд я, конечно же, пропустил – пришлось возвращаться. Дорога была в идеальном состоянии – представляю, сколько сил и, главное, денег стоит поддержание дороги в таком состоянии здесь, в Швейцарских Альпах. Дорогу мне перегородил шлагбаум, необслуживаемый, и около него была система наблюдения армейского образца. Я не получал никаких инструкций, поэтому просто вышел из машины и посмотрел в объектив. Шлагбаум тотчас начал открываться...

За шлагбаумом был рай... такое можно увидеть лишь в нескольких районах Кавказа. Дорога петляла по небольшой долине, засаженной деревьями, прежде всего реликтовой сосной и еще каким-то, очень красивым и, очевидно, поддерживающим местный климат. Везде были разбросаны валуны; казалось, что здесь немного теплее, чем в общем в кантоне, снега здесь не было совсем, равно как и ветра – в Альпах дует сильный, резкий, с неожиданными порывами ветер. Мне вдруг пришло в голову, что здесь есть какая-то дорогостоящая система, позволяющая поддерживать микроклимат в этом искусственно отрезанном горами уголке Альп. Что-то вроде прудов с подогревом или... я не знаю. И тут я понял, что ни я, ни кто-либо другой не представляет – сколько же на самом деле денег у барона Карло Полетти.

Проехав по долине не меньше двух километров, я наткнулся на ворота, искусно встроенные в ложбине между

скальными стенами. Ворота, как оказалось, были устроены по всем правилам военного искусства. Два пулемета смотрели на дорогу, двери открывали, ты проезжал – но лишь для того, чтобы оказаться в крытом досмотровом боксе, по обеим стенам которого – автоматные бойницы. Первые и вторые ворота, очевидно, никогда не были открыты одновременно, в боксе могли одновременно находиться две обычные европейские машины или один североамериканского типа лимузин. Для того чтобы силой прорваться через эти ворота, по моим прикидкам нужны были «Шмели», 82-миллиметровый миномет или бронетранспортер.

Когда моя машина остановилась в досмотровом боксе, сверху и снизу вспыхнули лампы. Излишне яркие...

Навстречу мне вышли двое, здесь было что-то вроде дежурки с бронестеклом. У двоих – автоматы.

– Мы должны обыскать вас, герр Воронцов, – сказал один из них по-немецки.

Я молча поднял руки, меня сначала охлопали руками, потом провели сканером. В это время я заметил движение сканера под прозрачным полом – проверяли днище машины на заложенные взрывные устройства. Серьезно.

– Будьте любезны показать багажник и салон машины.

Я показал и то, и другое...

– У вас здесь всегда так обыскивают? – спросил я.

Я не думал, что мне ответят, – но мне ответили:

– Нет, герр Воронцов. Господин барон распорядился уси-

лить меры безопасности.

Лично я его понимал.

– Все в порядке?

– В полном, герр Воронцов.

– Куда ехать?

– Там только одна дорога, герр Воронцов. Машину поставите на любое свободное место на стоянке, они там есть.

Легендарная швейцарская вежливость – швейцарцы всегда вели себя вежливо с людьми. Пока не наступала пора вести себя по-другому.

Здесь дорога делала несколько резких поворотов, как бы взбираясь вверх. Дом банкира стоял на высоком утесе, рядом с обрывом.

Дом этот на первый взгляд был небольшим, но я тут же понял, что все это очень обманчиво. Это только то, что видно невооруженным взглядом, – на самом деле есть подземные этажи. Как я догадался? Да по системе вентиляции. Слишком мощная, такие применяют в метрополитене. Здесь тоже были вооруженные люди, на поводке была собака – но не доберман, а немецкая овчарка. Меня не обыскивали – просто предложили следовать.

Внутри дом был обставлен в стиле популярного в Европе минимализма – то есть мебель точно в тон стен и ее самый-самый минимум. Огромные экраны встроены в стену, столы с прозрачными столешницами, вместо стульев – пуфы. Я так предполагаю, кровати – все равно что огромные воз-

вышения посреди комнаты. Тут, конечно... на вкус и цвет товарищей нет, но я бы такой дом не купил. Русские так жить не могут, это совершенно чуждый нам стиль.

Барон встретил меня в зале, назначение которого я так и не смог определить. Для обеденного – здесь не было столов, для бального – не то освещение и нет паркета. Всего лишь несколько предметов мебели посреди огромного пустого пространства... такое ощущение, что дизайнер хотел этим показать, что у владельца столько денег, что он может позволить себе так разбрасываться «обитаемым пространством». Не знаю, нужно ли это барону, по мне – это показывало, что у него в душе пустота, как в этой комнате.

Барон был не в лучшей форме. Лицо серое, пальцы постоянно в движении... барон Полетти нервничал.

По правилам психологической войны следовало бы довести барона «до кондиции» – так проще манипулировать. Но я, в конце концов, тоже отец и в работе придерживаюсь стиля Дейла Карнеги – заводи себе друзей, где только можно. Поэтому я просто достал из кармана флешку.

– Где подключить?

– Выйдите все, – хриловатым тоном сказал барон.

Сопровождающие вышли. Я воткнул флешку в разъем, она запустилась автоматически, и на большом плазменном экране в стене появилось изображение. Я отвернулся... я ее уже смотрел и не желал смотреть это еще раз...

Барон, надо отдать ему должное, просмотрел запись до

конца, и молча. Не знаю, смог бы я так же... не факт, не факт. Но барон был необычным человеком... обычный не станет одним из самых богатых людей мира, тем более в такой неподходящей стране, как Италия.

– Где это снято? – спросил барон.

– Ударный авианосец «Николай Первый». Там неплохой госпиталь и военные врачи. Они оказывают помощь вашему сыну.

– Он... пострадал?

– Не при захвате. Его держали в одном из горных монастырей на юге люди, не слишком похожие на монахов. При штурме они оказали сопротивление и были уничтожены.

– Нет, это монахи... – сказал барон, – вот это-то и есть люди, верящие свято. Понимаете – свято...

После чего барон разразился проклятьем столь страшным, что я не могу привести его здесь. Я промолчал.

– Что с ним сделали?

Это было сложно говорить. Но иного выхода не было.

– Я не видел его лично, не участвовал в захвате. Врачи с авианосца установили, что его... ослепили. Причем давно. Кроме того, у него удалили хирургическим путем два пальца полностью и один частично. Все повреждения очень старые, им несколько лет. Мы не знаем, кто это сделал и зачем. В остальном ваш сын в порядке.

– Они... разыграли комедию... – сказал барон и замолчал.

– Для вас? – осведомился я.

– Ну что вы... Я не более чем привратник... который может открыть ворота. Они разыграли эту комедию перед теми, кто живет за этими воротами...

Барон помолчал, видимо, переживая боль. Потом продолжил:

– Через месяц после похищения, в ущелье... в Калабрии нашли упавшую в пропасть машину. Обгоревшую машину. В ней было три трупа в салоне и в багажнике – еще один. Машина была... изрешечена автоматным огнем. Мальчика... который погиб в багажнике, опознали как моего... сына. А потом... генерал принес пленку с записью его голоса. И приказ.

– Какой генерал? – резко спросил я.

– Николетти. Генерал карабинеров. Он занимался этим делом... и многими другими в Риме.

Есть! Человек из списка!

– Кто его убил? – спросил я.

– Кто... Его убил я, сударь. У... этих людей свои законы... в системе жизнь стоит очень недорого, что своя, что чужая. Иногда... они сдают своих. Николетти много знал... и стал... зарываться. Стал скандально знаменит... скажем так. Тогда ко мне пришел человек и сказал, что я могу делать с Николетти все, что я сочту нужным.

– И вы положили его в машину и подожгли...

– Я всего лишь отомстил, – сказал барон, – вам этого не понять.

– Да... наверное, не понять.

– Я так понимаю... что теперь я работаю на вас? – спросил барон после долгого молчания.

– В некотором роде.

– Что это значит?

– Это значит, господин барон, что я никак не могу быть шантажистом. Это в корне противоречит чести русского офицера и дворянина. Однако мне и в самом деле от вас кое-что нужно. Мне нужно, чтобы вы ответили на кое-какие мои вопросы, прямо сейчас. Это нужно вам в не меньшей степени, чем мне. Мне нужно, чтобы вы сообщили мне, каким путем и куда ушли деньги, принадлежавшие польской казне и персидскому шахиншаху. Эти деньги принадлежат польскому и персидскому народам, а не вам, я всего лишь хочу вернуть украденное. Кроме того, я хочу, чтобы вы помогли мне убить генерала Абубакара Тимура и обезвредить его террористическую сеть. Каждый из этих людей заслужил смерть за то, что сделал, и когда их не станет – мир станет намного спокойнее. Вот что я хочу, барон.

– А что потом?

– Потом мы привезем вашего сына в место, которое вы нам укажете. Выплатим награду за содействие... понимаю, для вас эта сумма будет смешной, но все же. Кроме того, если вы опасаетесь мести, мы можем укрыть вас, вашего сына и людей, на которых вы укажете, на территории Российской империи. Наша страна велика, и в ней есть много мест, где

можно укрыться, – там, куда только птицы летают. Кроме того, у нас хорошо налажена контрразведка, любые агрессивные действия против вас и вашей семьи будут расценены как измена или как террористический акт. И за то, и за другое у нас предусмотрена смертная казнь. Не думаю, что кто-то рискнет, барон.

– Никому из нас не убежать от своей судьбы... – вдруг сказал по-русски барон.

– Вы знаете русский?

– Не совсем. Но я читал ваших великих писателей в подлиннике.

– Я предпочитаю североамериканский взгляд на мир, – сказал я. – Нет судьбы кроме той, которую мы творим.

– Как вам будет угодно. Как вам будет угодно...

И снова – молчание. Кто-то хотел войти... но тут же закрыл дверь.

– Спрашивайте... – сказал барон, – я не знаю всего, но... расскажу вам все, что знаю. Честно... и без утайки.

Честно и без утайки...

– Хорошо. Вопрос первый... Где, когда и кем вы были завербованы в качестве агента германской внешней разведки?

– Уже знаете...

– Мы знаем больше, чем вам может показаться.

На самом деле я не знал. Догадывался. Просто закинул удочку... и сразу поклев.

Схватка

(продолжение)

Главный вопрос, который волновал всех после выборов нового Папы, – деньги. Деньги Ватикана, другие деньги, деньги очень многих, которые находились под контролем барона Карло Полетти. Человека, который со своим Банка ди Рома осуществлял функции распорядителя и легального прикрытия ватиканского спрута.

Денег этих было более чем достаточно. Получить свое удалось только одной силе – сицилийской мафии, с которой барон демонстративно предпочел не ссориться. Вернул все до лиры, до сентарио.

Генерал Абубакар Тимур имел интерес в деньгах, которые в свое время ушли через Ватикан и Рим на швейцарские, люксембургские и австро-венгерские счета через старшую баронессу Полетти. Денег этих было столько, что на них можно было развязать мировую войну, не то что вести террор. Кроме местонахождения этих денег требовалось взять под контроль их владелицу, сосланную в Среднюю Азию Люнетту, молодую баронессу Полетти и бывшую морганатическую супругу русского Императора, – но это было не так-то просто, и генерал предпочитал решать проблемы по мере их поступления.

Польская группа в Ватикане, прямо связанная с краковскими пограничными бандами, с австро-венгерской разведкой и генералитетом, – была заинтересована в том, чтобы получить деньги польской казны, которые были спасены от наступающей русской армии. Деньги эти ушли по ватиканскому каналу, потому что никакого другого канала в распоряжении последнего польского царя не было. На эти деньги можно было создать целый Польский Заграничный Легион и поднять новый рокош.

Мануэль Альварадо «подвесил» в Банке Ватикана сумму, эквивалентную двадцати миллиардам североамериканских долларов – в Мексике для того, чтобы нанять киллера, достаточно было одной миллионной части этой суммы. Нельзя сказать, что у него не было денег – но если бы кто узнал, что Альварадо кто-то обокрал на двадцать арбузов и остался при этом жив, – самому Альварадо и всему его делу был бы конец. Если безнаказанно может воровать один – значит, могут воровать все. Этим двадцати миллиардов как раз и не хватало Альварадо сейчас, когда возможность отложения южных штатов от федерации была как никогда велика.

Что-то от кого-то знал про эти деньги диктатор Кантарелла и его сын. Немного – но достаточно, чтобы начинать действовать.

И самое главное – деньги нужны были кардиналу Алесандро Антонио да Скалье. Главе итальянской группы кар-

диналов. Человеку, который совершил всего одну ошибку в жизни – но такую, какую совершает один человек в покое. Такие ошибки совершают тираны, диктаторы, вожди, императоры. И цена их – потеря всего.

Когда кардиналу да Скалье, человеку, ответственному за государственные финансы в Ватикане и за легальное и нелегальное крыло ватиканской банковской системы, сообщили, что папа Иоанн Павел II скончался в замке в Гандольфо, – он понял, что дело дрянь. Новый папа скорее всего будет не таким, как Иоанн Павел II, и что будет с деньгами – непонятно. К тому же – непонятно, кто будет кардиналом-камерленго и суперинтендантом государственных доходов. Точнее – как раз таки понятно, на такое место всегда ставят своего, проверенного человека. А кардинал да Скалья очень не хотел покидать пост, дающий огромные дополнительные доходы. В этих условиях кардинал поступил так, как обычно поступает не совсем добросовестный сотрудник при смене руководства. Он решил уничтожить все записи, скрыть все деньги и сделать, таким образом, передачу своего поста другому человеку невозможной.

Отдав приказ, чтобы папу тихо перевезли в Ватикан и не сообщали о его смерти как минимум сутки, отец да Скалья приступил к делу.

Как и у всякого не совсем порядочного финансиста, у отца да Скалья был «свой человек», позволяющий осуществлять незаконные трансграничные банковские операции. Это

был барон Полетти, глава Банка ди Рома. Отец да Скалья поднял барона на ноги в субботу – и они за один день облегли Банк Ватикана и подчиненные им банки на сумму, эквивалентную пятистам миллиардам лир. То есть банки-то были, были вкладчики, был персонал, были клиенты – а вот активов уже не было. И если еще двадцать лет назад для подобного злочинья требовался как минимум месяц – то сейчас, с развитием систем электронных транзакций, двое негодяев и мошенников сделали все за один день. Цель у отца да Скальи была простой – взять в заложники все заинтересованные группы и потребовать, чтобы все группировки на конклаве кардиналов, контролируемые самыми разными силами, избрали его папой.

Обычно отец да Скалья принимал кое-какие меры предосторожности, чтобы деньги не вышли из-под контроля. Но сейчас времени на это просто не было.

И каково же было изумление кардинала да Скальи, когда его подельник по этому делу, барон Карло Полетти, перестал отвечать на телефонные звонки и удалился в свою швейцарскую горную резиденцию.

Новый германский папа после первых же дней аудита вызвал кардинала да Скалью и спросил его, куда делись все деньги. Кардинал да Скалья не ответил, но это не потому что он их украл... нет, кстати – он на самом деле их украл, но вот где именно находятся деньги, кардинал не знал и вернуть их не мог, даже если бы очень этого захотел.

Папа бросил кардинала да Скалью в тюрьму и сказал, что тот будет сидеть, пока не вспомнит, где деньги. В ситуации, в которой оказался кардинал да Скалья, это было вечностью. Пожизненным заключением.

Вскоре папа был убит террористами.

Новый папа, граф Пьетро Антонио ди Марентини, неофициальный глава ватиканской разведки, имеющий большие связи с разведками других стран, в частности с британской, первым делом освободил да Скалью и поговорил с ним начистоту. Да Скалье терять было уже нечего – и он признал, что деньги вместе с бароном Карло Полетти вышли из-под контроля.

Папа приказал не выносить сор из избы, то есть подделывать всю отчетность, пока деньги не будут найдены. Только второго дела банка Амброзиано и не хватало – а это будет почище банка Амброзиано.

Кардинал да Скалья с радостью согласился.

Все стороны в этой игре понимали, что они попали в цейтнот. Ни одна из тех сторон, которая потеряла деньги, не могла убить барона Полетти, что технически было возможно, – тогда никто не узнает, где же все-таки деньги и как получить их назад. Граф ди Марентини, новый Папа – наверное, он потому и стал Папой, получил голоса итальянской части коллегии выборщиков – сделал сильнейший ход, умыкнув сына барона Полетти, Джузеппе Полетти, к похищению которого приложила в свое время руки католи-

ческая церковь и лично граф ди Марентини. Он умыкнул его из разорванной на куски гражданской войной Персии и получил сильнейший козырь в свои руки, козырный туз. Страшно было подумать, что было бы, например, если бы Джузеппе Полетти попал в руки русских и те, не разобравшись, просто отпустили бы его. А еще страшнее было бы – если бы русские разобрались во всем.

Но были еще и джокеры.

Самым простым ходом было – обменять Джузеппе Полетти на деньги, и всего делов. Но при более тщательном рассмотрении этот ход обернулся бы катастрофой. Тот, кто держал в руках Джузеппе Полетти, имел возможность получить не только свои деньги, но и чужие. Таким образом, нечистоплотные в финансовых вопросах кардиналы наживали врагов в виде мексиканского наркобарона, под началом которого десятки тысяч боевиков и польских террористов. Ведь если барону Полетти вернуть сына – он в ответ вовсе не будет обязан вернуть ВСЕ деньги, верно? Только те, которые принадлежат оказавшим ему услугу людям.

Это при том, что барон имел возможность нанять лучших в мире боевиков для того, чтобы вырвать из рук похитителей своего сына на этапе передачи.

Зная барона Полетти и его итальянскую, скорее даже южноитальянскую натуру, не приходилось сомневаться, что, получив в руки сына и вернув деньги, он моментально начнет мстить. Как? Да очень просто. Достаточно будет

отдать документы журналистам – и все деньги конфискуют, а их всех отправят в тюрьму. Наркоторговля, похищения, убийства, терроризм, ядерная контрабанда. Достаточно?

Так что ситуация завязалась в гордиев узел и никто из игроков не мог сделать ни одного хода без того, чтобы не заставить объединиться против себя всех остальных игроков за столом. Нужен был кто-то третий. Кто-то, кто обладает достаточной силой, но при этом не терял денег в Банке Ватикана.

Единственным, кто мог напрямую контактировать с бароном Полетти, был кардинал да Скалья. Барон выставил требования – сын в обмен на доступ к деньгам, но это требование было невыполнимым по обстоятельствам, указанным выше. После Персии сам барон не знал, у кого именно находится его сын, – и это было единственное уязвимое его место. Не зная, на кого именно давить, – он давил на всех сразу.

Тем временем начались необъяснимые убийства влиятельных кардиналов и папабилей, претендентов на папский трон. Кардинал Кейт Каллари погиб в Белфасте при штурме небольшого особняка силами спецотряда полиции. Вместе с ним нашли его любовника, молодого, но уже прославившегося своей жестокостью боевика ИРА. Кардинал Франу-са Бушерон, еще один папанобель¹¹ – погиб в грязной машине

---

¹¹ Кандидат на место папы, такой почти официальный термин.

в Париже во время гомосексуального полового акта. Кардинал О'Рейли, архиепископ Бостона, погиб при допросе в здании бостонского полевого офиса ФБР, будучи разорванным на части пулями винтовки, пробивающей бетонные стены. Кто-то убирал фигуры с доски щелчком пальца, как балующийся ребенок, – и никто ничего не мог сделать. Совсем – ничего.

Оставалось только молиться...

03 июля 2014 года

Рим

Небольшой автомобиль производства Баварских моторных заводов серии 330XI въехал в Рим с запада, со стороны побережья. За рулем его был молодой, ничем не примечательный человек, с длинными волосами до плеч, бородкой и усами, больше он напоминал Иисуса Христа наших дней, решившего проведать Пастырей Божьих в их ватиканской цитадели. Молодой человек был бледен и едва уловимо морщился. Иногда.

Егермейстер Его Королевского Величества, Короля Англии, Алан Сноудон, двенадцатый граф Сноудон вернулся в Рим.

Поручение у него на сей раз было простое. Оставить машину на Виа делла Консилиационе. Смешавшись с толпой, проникнуть на Площадь Святого Петра. Держаться справа, ближе к западным колоннам. И там он должен был получить от неизвестного пакет с информацией в виде флеш-карты. После чего надлежало возвращаться.

Он не знал, от кого он должен был получить пакет. Но неизвестный информатор должен был знать его в лицо и сам подойти к нему...

Вот и все.

В город на сей раз он пробрался безо всяких проблем, его не остановили посты карабинеров на въезде в город. На лобовом стекле его машины красовалась дорогушная виньетка, говорящая о том, что въезд в центр города оплачен на целый месяц...

Виа делла Консилиационе...

Граф с большим удовольствием никогда бы здесь больше не появлялся. Но приказ есть приказ...

Найдя свободное место в самом начале площади, граф Сноудон втиснул туда машину и выключил двигатель. Посидел, закрыв глаза и изгоняя из сознания не боль, а саму память о боли. Строки плыли перед глазами.

Мы пилигримы, господин. Под вековечным небом
Единственный мы держим путь среди всех путей земных
—

За гребень голубой горы, покрытой белым снегом,
Через моря в пустыне волн – то ласковых, то злых.

В пещере неприступной там на неподкупном троне,
Всевидающ и безмерно мудр, живет пророк святой.
Все тайны жизни он лишь тем доверчиво откроет,
Кто устремился в Самарканд дорогой Золотой.

Приятен караванный путь, когда пески остынут.
Огромны тени. Даль зовет. Колодцы – за спиной.
И колокольчики звенят сквозь тишину пустыни
Вдоль той, ведущей в Самарканд, дороги Золотой.

Мы странствуем по всей земле не только для торговли.
Нас в путь огонь сердец влечет под солнцем и звездой.
К познанию Вечности вершим мы странствие благое
В священный город Самарканд дорогой Золотой¹².

Эти строки были отчеканены на простом монументе, стоящем в Герефорде, сонном английском городке на границе Англии и Уэльса. Этот монумент посвящен бойцам Двадцать второго Специального авиадесантного полка, отдавшим свои жизни за Родину, павшим в бою с врагом. Пару дней назад на нем появились четыре новых имени...

Граф дал себе зарок когда-нибудь посетить этот проклятый золотой город Самарканд, ныне находящийся под властью русских.

Он закрыл за собой машину, утвердившись на ногах. Огляделся – все следы перестрелки убрали, словно ее и не было... шито-крыто, концы – в воду.

Граф пошел к воротам площади Святого Петра, стараясь шагать тверже...

Людей на площади было относительно немного, это заставляло нервничать. Он заметил снайпера на крыше – а это тут еще к чему. У графа не было с собой оружия, зато было неприятное ощущение – как будто его втолкнули в клетку

---

¹² Джеймс Элрой Флекнер. «Золотое путешествие в Самарканд».

со львом.

Контакт произошел неожиданно для него самого, он даже не заметил, как этот человек подошел к нему. Лишь в самый последний момент он почувствовал неладное... и тут же чуть повернулся, чтобы схватить лезущего к нему в карман за бумажником вора. Но ранение сделало свое дело... внезапная боль словно током ударила, пальцы схватили пустоту. Все, что он успел увидеть краем глаза, – это силуэт удаляющегося от него человека.

Он знал этого человека. Капитан Джекоб Риц-Дэвис, выходец из специальных сил, но не из САС – специальная лодочная секция в Пуле. Что он тут делает, мать его?

Граф был профессионалом и знал, что нельзя после контакта разворачиваться на сто восемьдесят градусов и уходить. Поэтому он начал смещаться вперед и влево, как будто стараясь подойти ближе к Собору Святого Петра, стараясь рассмотреть его. Положение снайпера он помнил постоянно, и ему казалось, что перо запуталось в его волосах как раз с той стороны, где был этот чертов снайпер.

Все время, пока он шел обратно, он ждал, что его схватят или что хлопнет придушенный глушителем выстрел – и он падет бездыханный на площади самой маленькой абсолютной монархии в мире. Но ничего не произошло – он вышел через ворота вместе с немногочисленными верующими, прошел до машины, сел в нее – и только сейчас понял, что рубашка его взмокла от пота.

Он начал разворачивать машину – и едва не врезался в небольшой фургончик со знаками Ватикана. Высунулся, погрозил кулаком – водитель в ответ показал ему вытянутый средний палец. Вполне достойный ответ для раба Божьего.

Сукин сын...

Граф Сноудон вынужден был сдать назад и застрял. Еще его прадед, наверное, в таком случае открыл бы стрельбу по верх голов и пробился бы силой...

Следом шел туристический автобус, и выехать снова не удалось. Потом прошли одна за другой четыре машины, что-то похожее на кортеж. Граф стукнул кулаком по баранке от досады – и нажал на газ.

Следовавшая за кортежем машина не успела вовремя остановиться и легонько стукнула «БМВ» в переднюю дверь. Хрустнул бампер. Водитель выскочил из машины, потрясая кулаками и осыпая водителя «БМВ» бранью.

Да пошел ты...

Ущерб был невелик – граф развернул-таки машину, нажал на газ, и «БМВ» плавно покотился по Виа делла Консиглиационе. Поврежденная машина осталась позади.

И тут он увидел этот самый фургончик, из-за которого он не смог выехать. Он стоял носом к собору Святого Петра у самой площади Иоанна Двадцать Третьего. Графа это заинтересовало.

Он медленно – повсюду туристы – прокатился мимо. Начал поворачивать – впереди был мост Сантанджело, но он

собирался повернуть на набережную.

Рядом с фургоном, на самой Пьяцца Пиа стояла машина карабинеров. То, что граф мельком увидел в открытой двери машины карабинеров, ему очень и очень не понравилось...

Граф долго не раздумывал. Рука нырнула под сиденье – и вернулась с пистолетом «Глок-17», на который был уже навинчен глушитель. Нога прижала педаль тормоза – и «БМВ» встал как вкопанный...

Лейтенант Двадцать второго полка Специальной авиадесантной службы Алан Сноудон повернулся, положил удлиненный глушителем ствол пистолета на согнутую в локте левую руку и с правой открыл огонь. Каждый выстрел толчком отдавался в правой руке, вызывая растекающуюся по руке и по всему боку боль. Скорее всего – рана все же откроется, но граф даже и в таком состоянии отстрелялся точно, нестандартные пули с вольфрамовыми сердечниками наглухо положили обоих карабинеров, пробили дверцу и кузов ватиканского фургона. Нападение было неожиданным, быстрым и окончательным...

Какая-то женщина заорала во весь голос, увидев черную как нефть кровь, растекающуюся по старой брусчатке Пьяцца Пиа...

Сменив магазин в своем пистолете, граф добежал до полицейской машины. Одного взгляда на заднее сиденье хватило, чтобы понять – есть. То, что нужно... Фортуна все же на его стороне. Впереди, на асфальте, оплывал кровью один

из карабинеров, за рулем безжизненно сидел второй. Под аккомпанемент истошных криков двенадцатый граф Сноудон захлопнул заднюю дверь карабинерской «Альфы», выпихнул на мостовую труп с водительского места, до предела вывернул руль и нажал на газ. Обод руля был липким от крови, в салоне тоже пахло кровью, бормотала рация, на переднем пассажирском лежал автомат. Не зная, как включить сирену, граф нажал на клаксон и направил машину к мосту Сантанджело, где был виден тяжелый, черный дым и выли пожарные машины. Карабинерскую машину должны были пропустить... В «БМВ» не осталось ничего, что могло его компрометировать или как-то вывести на него... Два часа гонки по улицам – и он вырвется из Рима... а если нет, то ляжет на дно и подаст сигнал о помощи. В глазах немного мутится, да руку нехорошо дергает... но это плевать. В конце концов, у него в кармане есть две ампулы препарата, который заставит драться даже мертвого.

Граф Сноудон бросил короткий взгляд назад. Он не знал, что с этой женщиной, почему она без сознания, – но при первой же остановке он намерен был это выяснить.

Лейтенант граф Алан Сноудон все же выполнил свою боевую задачу. Выполнил до конца...

В окнах мелькнули стоящие в проулке пожарные машины. Они тушили какое-то здание...

06 июля 2014 года
Женева, Швейцария
l'Arena de Geneve
Bal de la Croix Rouge

Конечно же, Ксения не вняла моему предупреждению и не вручила свою безопасность оберсту Гансу Зиммеру. Было бы странно, если бы она поступила иначе: в этом вся Ксения. Я даже знаю, что она думает про это: я не хочу, чтобы мой сын (заметьте – мой (!) сын) играл в ваши кровавые игры. Увы, сударыня, это не мы играем в эти кровавые игры, это жизнь в них играет. И нам остается только пытаться выжить.

Я сидел в «Мерседесе», который был взят напрокат по поддельным документам, и смотрел на причудливое, открытое то ли в третьем, то ли в пятом году здание «Арена дю Женев», небольшой (по русским меркам) концертный зал всего на девять тысяч мест. Здесь обычно выступают концертирующие звезды, билет на которых стоит не меньше тысячи германских марок, проходят концерты «продвинутой» камерной музыки – это изуродованная классика, проходят дискотеки. Но сегодня припарковаться можно было лишь со специальным пропуском, все окрестности были забиты дорогами авто. Дамы в вечерних платьях, яркие, как тропические

бабочки, солидные джентльмены во вручную пошитых костюмах – все они шли по улице, мимо нас, спеша на благотворительный бал Женевского Красного Креста. Это – своего рода развлечение европейской аристократии, балы дают каждый месяц. Дальше – Вена, потом Берлин и, наконец, город-государство Монако.

Оберст Ганс Зиммер запалил свою очередную кубинскую сигару, отчего в машине стало нечем дышать. Я поморщился.

– Сударь, нельзя ли повременить?

Оберст хрипло, каркаяще рассмеялся:

– Нельзя, ваше сиятельство. Миль пардон, если сигары старого вояки оскорбляют ваше тонкое обоняние...

– Скорее они оскорбляют ваши легкие, сударь, вынужденные поглощать эту гадость.

Оберст похлопал меня по плечу.

– Мои легкие, сударь, как раз и питаются тем, что вы высокомерно называете «гадостью». За всю свою жизнь они повидали такого, что сигарный дым для них – все равно, что для вас, аристократов, – розовая амброзия.

Оберст Ганс Зиммер казался совсем другим – бродягой из порта, солдатом Германского африканского корпуса, грубым, наглым и нахальным. Это была не более чем маска, способ существования, обжитый и привычный образ – на самом деле оберст был умным и прозорливым человеком, жестким дельцом, которому палец в рот не клади. При этом он еще

был лучшим специалистом по безопасности в Швейцарии и одним из лучших в мире, упертым и жестким, готовым проломить стену головой, если это потребуется. Вершиной его карьеры было подразделение, известное как «Nebel», «Der Nebel». На швейцарском диалекте немецкого это означает «Туман», – это спецподразделение, созданное в вооруженных силах Швейцарской конфедерации людьми, прошедшими через отряды Опладена и «Бранденбург-800». Эти люди вмешиваются в ситуацию там, где не может вмешаться Священная Римская империя или где затронуты интересы Конфедерации, в основном финансовые. Взаимоотношения Швейцарской конфедерации и Священной Римской империи сложны до безумия, и никто не может точно сказать, где отдают приказы, и где – их исполняют. Но, видимо, оберст Зиммер, швейцарский немец или германский швейцарец, оказал немало услуг исторической Родине – иначе ему не позволили бы заниматься охранной деятельностью в Африке на тех же правах, что и германцам. Мне, например, не позволили, хотя, проживая в Североамериканских соединенных штатах, я наводил справки.

И оберсту Зиммеру можно было доверять на девяносто девять процентов – если ему поручили безопасность кого-либо, он ее обеспечит. На сто процентов нельзя было доверять никому.

– Время, – напомнил водитель, суховатый, бесцветный, средних лет. Типичный швейцарец, бесстрастный наемник.

Но профессионал.

Я достал из бардачка пистолет, вложил его в специально нашитую на пиджак кобуру с клапаном – ради этого пришлось испохабить творение лучших лондонских портных. Стилль Уайта Эрпа, он тоже носил «Миротворца» со стволом 7,5 дюйма во внутреннем кармане пиджака, специально перешитом под пистолет. У меня же задачи другие – соответственно и пистолет другой. Для этого дела Ганс Зиммер нашел для меня новенький «Kel-Tek PMR-30», еще не встречавшийся в Европе. Легкий полупластиковый пистолет, при том в его магазине – тридцать патронов, ни больше ни меньше. Калибр двадцать два «Винчестер Магнум» – намного более серьезный патрон, чем это принято считать, его обычно путают с двадцать вторым длинным винтовочным, а это неверно. Останавливающее действие для спецпатронов находится примерно на уровне патрона 7,65 «Браунинг» – а ведь именно пистолетами этого калибра были вооружены все европейские детективы годов до семидесятых. К тому же пистолет имеет слабую отдачу, удобно лежит в руке – и это позволит вести быстрый, прицельный огонь. Я надеюсь, что на балу Швейцарского Красного Креста до этого дело не дойдет – но человек полагает, а бог располагает, как обычно.

Следом я достал два револьвера «Смит-Вессон» с титановой рамкой, – малыши, но с резким и сильным боем под триста пятьдесят седьмой «Магнум» со сточенной головкой. Они приобрели большую популярность после того, как в

САСШ приняли дурацкий закон об ограничении вместимости магазинов. Очень популярны среди телохранителей, в отличие от пистолетов можно стрелять через карман. Один револьвер я положил в карман, другой – в кобуру на лодыжке, какую обычно носят североамериканские полицейские. Кобура на лодыжке – идиотизм полный, но она хороша тем, что при обыске до нее добираются в последнюю очередь. Тем более в Европе – здесь так оружие носить не принято.

Мелькнула мысль – если будет стрельба, потом на весь год будет разговоров о диких русских аристократах, которых нельзя пускать в приличное общество. Еще раз подтвердится миф об исконном русском варварстве.

Ну и черт с ними.

– Что с вертолетом?

Оберст достал старомодный сотовый телефон, прозвонил нужный номер.

– В готовности. Им потребуется пятнадцать минут, не больше.

Надеюсь...

– Если я сумею вывести их – подавайте машину прямо к подъезду, не стесняйтесь.

Оберст только усмехнулся – мол, не учи ученого.

Ну... с богом.

Я вышел из машины, оправил пиджак, забрал с собой букет цветов... здесь это было не совсем принято, но и не запрещено. Сочтут за дикость и неотесанность русских – а мне

важно то, что букет отвлечет внимание от меня самого. Да и не будут меня обыскивать на входе... здесь же Швейцария, благотворительный бал Красного Креста, здесь не Тегеран, не Бейрут, не Багдад, не Кабул. Тихая, мирная страна...

С самого начала, когда я поднимался по дороге к арене, я почувствовал, что за мной следят. Взгляд в спину, совершенно отчетливое чувство, оно приобретается после того, как ты побывал в горячей точке и выжил там. То, чего я и боялся – снайпер. Снайпер на подстраховке, возможно даже не один. Те, кто все это затеял, пойдут ва-банк, они готовы на все, чтобы обезглавить русскую монархию любой ценой и любым способом, даже таким. Но в таком случае – и я пойду на все, и наплевать, если по результатам сегодняшнего бала у кого-то случится сердечный приступ, у кого-то – преждевременные роды, а у кого-то – отравление свинцом, причем смертельное. Хоть Ксения и не подарок, но я ее все равно отсюда вытащу...

Как я и предполагал, никого не обыскивали. Просто принимали карточку-приглашение и смотрели по какой-то базе. Вероятно – по базе «Кто есть кто» или по Готскому Альманеху¹³. В Готском Альманехе я должен быть – как-никак князь, высший аристократический титул, естественно, после членов Августейшей семьи. Именно поэтому я должен идти один. Никого другого на бал просто не пропустят, и все бу-

---

¹³ Готский Альманех – ежегодно издаваемая книга, описывающая родственные связи европейской аристократии.

дет сорвано.

Очередь дошла и до меня...

Англичанка! На входе сидела англичанка! Вытянутое, словно лошадиное лицо, платье довольно дурного, принятого в Великобритании покроя, – точно англичанка! Случайность – или?

Или у меня уже паранойя на англичан?

Англичанка вопросительно смотрела на меня.

– Князь Александр Воронцов, – представился я, подавая пригласительную карточку, – вице-адмирал Флота Его Императорского Величества Николая Третьего.

Я внимательно смотрел за англичанкой, за ее глазами. Испугается? Придет в замешательство? Меня здесь ждали? Нет, ничего подобного не было – дежурная улыбка, жест рукой.

– Добро пожаловать на бал Женевского Красного Креста, ваше сиятельство...

Я улыбнулся той же самой, вежливой и ничего не значащей улыбкой, прошел дальше.

Черт, Ксения, какого черта ты сюда поперлась? Почетная гостья, великая княгиня Дома Романовых, как же...

В холле – кружащий голову аромат духов, едва слышный шорох шелка, быстрые, оценивающие взгляды на мужчин и на соперниц: как одета, от какого кутюрье платье, не продала ли семейные драгоценности. Свет люстр переливался в каскадах фамильных бриллиантов, украшавших лебединые

шей дам. Европа – могу спорить на сто против одного, что девяносто процентов бриллиантов здесь – фальшивка, цирконий. Настоящие – в семейных или банковских сейфах, их почти никогда не достают, удовлетворяются простым сознанием того, что они есть. У нас, в России, – такого нет. Официально это оправдывается возможностью кражи или ограбления, на самом же деле – большинство настоящих бриллиантовых колец заложены банкам и находятся в их сейфах как гарантии по кредитам. Большинство блистательных европейских семей на самом деле разорены и едва сводят концы с концами. Вот почему такие балы – это еще и возможность для кавалерственных дам¹⁴ найти себе богатого и щедрого любовника. Пусть банкира, пусть еврея, пусть даже и русского варвара – но чтобы в кармане водились деньги.

Вот почему меня никогда не тянуло на подобные благотворительные балы и приемы. Бойтесь ханжества – под его покрывалом клоочет грязь.

Конечно же, меня как одинокого джентльмена «от сорока до пятидесяти» с бриллиантовым шифром в петлице (тоже кубический цирконий), обозначающим мои инициалы и название моего рода, заметили сразу же. Хищницы со всего холла ринулись буквально наперегонки, я даже и десяти шагов не успел сделать. Первой рядом со мной оказалась белокурая итальянка (терпеть не могу дам, красящих волосы), на вид лет двадцати с хвостиком, на самом же деле – за трид-

---

¹⁴ Дамское аристократическое звание.

цать. О, Монако, центр пластической хирургии всего мира, фабрика по производству Золушек. Или Ла Франш сюр Мер, еще одна. Один протез груди – пять тысяч германских марок штука, операция оплачивается отдельно...

– Сударь, не поможете ли мне... здесь так мелко написано...

Многие дамы носили очки в золотой оправе, модный аксессуар, в который можно вставить простые стекла. Мне подали программку бала, при этом дама умудрилась так выразительно вздохнуть, чтобы я мог оценить все мастерство пластических хирургов из Монако...

*O tempora! O mores!*¹⁵

Программка была напечатана на трех государственных языках Швейцарской конфедерации: французском, итальянском и немецком, поэтому отговориться незнанием языка шансов не было. Пришлось объяснять.

– Благодарю вас... – дама смущенно замялась.

– Князь Александр Воронцов, – представился я.

– О, вы русский? – отреагировала итальянка, – так... загадочно. Мне всегда нравились русские, в них есть что-то... первобытное.

– Увы, сударыня, я учился в Оксфорде и во мне мало первобытного, – поклонился я, возвращая программку и давая понять, что предложение меня не заинтересовало.

---

¹⁵ О времена! О нравы! – крылатое высказывание, принадлежит сенатору Цицерону.

В Оксфорде я не учился – но надо же было что-то сказать, чтобы отстала! К тому же Оксфорд – настоящий рассадник содомии, и пусть думает о чем хочет.

Не успел я пройти следующие пять шагов, как едва не попал в объятия еще одной подобной дамочки, на сей раз из французского рода, которому повезло уцелеть и при революции, и во время мировой войны. Интересно – может быть, есть какой-то условный опознавательный знак, булавка голубая там или галстук, позволяющие прикинуться содомитом? Иначе ведь не отстанут...

Ксения, конечно же, была «почетной гостьей бала» – как я и предполагал. Ее я обнаружил уже в зале, она стояла в кругу европейских аристократов, из которых я знал только одного германского князька, и о чем-то увлеченно разговаривала с ними. Шесть джентльменов и одна она – вот это именно то, что ей нравится, ради этого она душу продаст – лишит охотниц из холла их законной добычи, овладеть вниманием всего зала или, по крайней мере, всей мужской половины зала. Увидев меня, она, естественно, не обрадовалась, бросила такой взгляд, от которого можно было свалиться на месте. Впрочем, взгляды, которые на нее бросали дамы, были не менее смертоубийственны, но ей было все равно – так почему же такой взгляд должен был волновать меня?

Чувствуя, что времени может уже и не быть, – я пошел напролом.

– Вы сегодня просто очаровательны... – заявил я, склоняясь к руке Ксении, которую она была вынуждена мне подать по этикету, – полагаю, в вашей бальной книжечке еще остались свободные танцы?

Аристократы смотрели на меня во все глаза – вот так вот просто и нагло подходить к даме и с ходу ей что-то предлагать было не по этикету.

– Вы весьма самонадеянны, сударь... – ответила Ксения, – впрочем, это известная черта вашего характера...

– Моя самонадеянность проистекает только из безграничной любви к вам, сударыня.

Поняв, что нас что-то связывает, аристократы удалились по-английски, чтобы не мешать нам. Ксения постепенно приходила в ярость.

– Ты что творишь? – прошипела она, оглядываясь по сторонам.

– Встань левее. Так, чтобы стоять между мной и стеной.

– Ты с ума сошел?

– Делай, что говорю. И тихо!

Какой-то момент Ксения ломалась. Она инстинктивно пыталась сломать любого мужчину, который становился у нее на пути, но если это не удавалось, если она чувствовала, что бесполезно, – в какой-то момент она становилась покорной и полностью подстраивалась. Именно это происходило сейчас – поняв, что происходит что-то неладное, она полностью отдала инициативу мне.

– Где Ник? – я шарил глазами по толпе, пытаюсь понять, где опасность.

– В «Ле Росей». Как будто ты не знаешь. Кампус в Гштааде.

– Когда ты последний раз говорила с ним?

– Два дня назад. Что...

– Происходит то, что тебя могут убить в любую минуту. Не подходи к окнам.

Я достал из кармана телефон, прощелкал номер Зиммера. Понятно, что из «Арены де Женев» нас живыми не выпустят...

– На приеме, – отозвался полковник как в рацию.

– На улице снайперы, – я был уверен в том, что это так, – работаем второй вариант как основной. Что за машина?

– Ваш, «Сикорский», девяносто вторая модель.

– Пусть дозаправят. Я хочу полные баки...

– На это уйдет время...

– Пусть действуют быстрее. И ты будь готов действовать.

– Jawohl! – оберст отключился.

– Сударь... – Я поднял глаза и увидел мужчину, который подошел к нам, лет шестидесяти, худой, с бородкой клинышком. – Вы самонадеянно решили, что почетная гостья бала принадлежит одному лишь вам?

Ксения смело выступила вперед.

– О, князь, просто моему... бывшему супругу не хватает такта. Князь Александр Воронцов – князь Герхард фон унд

цу Баттенберг, покровитель Красного Креста в Священной Римской империи...

Князь протянул руку:

– Рад с вами познакомиться, сударь. Полагаю, любой из мужчин на этом балу желал бы оказаться на вашем месте...

– Сударь, будь они действительно на моем месте, они бы этого не желали.

Князь вопросительно посмотрел на меня, не зная, как реагировать на мою последнюю сентенцию, потом сделал то, что сделал бы любой воспитанный европейский аристократ на его месте, – вежливо улыбнулся. На самом деле я ответил совершенно искренне – я полагал, что в зале есть как минимум один профессиональный убийца, и шансы у меня пережить этот бал – пятьдесят на пятьдесят.

– Сударь, надеюсь, вы не будете эгоистичным собственником и оставите великую княгиню для нас хотя бы на несколько танцев?

– Полагаю, это решать великой княгине, сударь.

Ксения великолепно, просто изумительно сыграла недоумогание – в ее лице сцена потеряла великую актрису. Я сам не наблюдал за этим, я обшаривал глазами зал, но представлял, что это такое – бледность лица, усталые глаза, рука у лба...

Иногда я понимаю Николая. Хоть и не одобряю. Две великие актрисы в доме, одна из которых супруга, другая сестра, – слишком для любого мужика, даже для Императора.

Вот он и прогнал к чертовой матери... обеих.

– Ах, друг мой, я плохо себя почувствовала и, пожалуй, пропущу первые танцы. Но на вторую часть бала – я полностью ваша.

– Покорнейше благодарю, сударыня... – князь отступил в сторону...

– Что будем делать? – прошипела Ксения.

– Возьми платок. Прими какие-то таблетки...

– У меня нет таблеток!

– Тогда просто прикинься, что тебе плохо, ты же это умеешь.

– Мне и в самом деле плохо! – огрызнулась Ксения.

Где же он? Скорее всего, среди обслуживающего персонала, просто так аристократом не прикинешься, разоблачат. Хотя если та англичанка на входе... тут в придачу может быть целая рота САС, а уж они-то с радостью поквитаются со мной за Нью-Йорк. Но скорее всего здесь другие... наемники...

Или все-таки он прикинулся кем-то из приглашенных? Нет, вряд ли. Униформа обслуживающего персонала хороша тем, что обезличивает человека. Не верите? А вспомните лицо официанта, который вас обслуживал во время вашего последнего визита в ресторан? Девять из десяти, что не вспомните.

Минуты текли как мед с ложки – тягуче и неотвратимо. Наконец прозвучало вступление, приглашенные разбились

на пары, объявили вальс-контрданс. Зазвучала музыка...

Немного отлегло – ни один из убийц не станет стрелять на дальнейшее расстояние в таком случае, мы защищены танцующими парами. Он может подобраться справа или слева, но я слежу за обоими флангами, хотя это и сложно. Среди танцующих... тогда ему придется как-то достать пистолет и выстрелить в движении... неужели сможет?

Внезапно я столкнулся взглядом с человеком... с одним из танцующих. В танце он продвигался к нам... взгляд был острый и сосредоточенный, совершенно не такой, каким смотрят по время танца, это был взгляд сквозь прицел. И человека этого я откуда-то знал... его лицо было знакомо мне, я уже давно не работал с электронной картотекой, не изучал и не запоминал лица подозреваемых в терроризме, объявленных вне закона, умышляющих против высочайших особ, включенных в списки чрезвычайной опасности по всему миру... но этого парня я откуда-то знал.

Есть! Черт, есть!

Джузеппе Бардини, профессиональный террорист и наемник. Точно – именно это худое и смуглое лицо на фотографии я видел, когда запоминал всех действующих убийц и террористов Европы. Он, конечно, постарел, обзавелся тонкими, стрелочками, усами и надел нормальный костюм – но это точно он. Чемпион мира по стрельбе из спортивного пистолета, наемник калабрийцев, один из лучших стрелков мира. Подозревался в участии в покушении на Папу Римского,

когда начали проверять, куда вкладываются огромные деньги из Банка Ватикана... Тогда одного папу убили, а второго едва не убили, и он все понял и больше лишним не интересовался: кесарю – кесарево. Он просто не думал, что здесь окажется кто-то, кто может его опознать, он наверняка прикинулся каким-то обедневшим итальянским аристократом, благо у них надо подтверждать дворянское происхождение не в пятнадцати поколениях, как в Священной Римской империи и в Австро-Венгрии, – а всего лишь в трех. И он прошел на бал, и он кружит какую-то дамочку, и до него осталось около десяти метров...

Бардини понял, что я засек его, – и развернулся совершенно балетным движением, не в такт танца, в руке у него был пистолет. Я знал, что это был за пистолет – он охотился с однопалочным, и второй выстрел ему никогда не требовался...

Чуть повернувшись, я выстрелил, не доставая револьвер из кармана. Выстрел бабахнул оглушительно громко, и итальянец в десяти метрах от меня упал как подкошенный. Впервые в жизни он не успел... исключительно из-за того, что я стрелял из кармана, иначе бы он меня опередил. За спиной истерически завизжала Ксения, я выхватил револьвер и четыре раза выстрелил в потолок. Полетели осколки, искры от люстры.

– Пожар!!!

Почему-то люди больше реагируют именно на этот крик – пожар. Что произошло дальше – было просто не описать.

Музыка – живой оркестр «Женевьев-Опера», специальное приглашение – оборвалась на полутоне, в зале истерически закричали сразу в нескольких местах, кто-то упал. В следующий момент рядом с треском осыпалась какая-то стеклянная инсталляция – и я понял, что кто-то еще, до сих пор не видимый мною, вступил в игру.

Я схватил Ксению за руку.

– Давай за мной!

Левой рукой я держал Ксению, в правой у меня теперь был пистолет, тот самый, североамериканский, тридцатизарядный. Мы врубилась в толпу – и тут кто-то рядом с нами рухнул как подкошенный, какой-то старик. Стреляли справа и совершенно бесшумно...

И я понял откуда. Это был многофункциональный зал, наверху была каморка для осветителей. Вот там-то, похоже, и засел снайпер с каким-то бесшумным оружием. Позиция позволяла ему держать под контролем весь зал и стрелять в любого, на выбор.

Продолжая тащить Ксению за руку в бушующем море, я вскинул пистолет и выстрелил несколько раз в направлении снайпера. Попасть насмерть я не думал – его там не видно, там блестят софиты, а за ними, как и за любым осветительным прибором, – крошечная темнота. Но испортить настроение снайперу, заставить его понять, что он под огнем, – тоже нужно.

С треском лопнул один из осветительных приборов. Сно-

ва полетели искры.

Пробиваться через толпу было все равно, что бежать перед быками в Сарагосе... По слухам, как-то раз несколько русских военных заставили быков бежать в обратном направлении, но это только слухи... наверное. Мне надо было делать три дела – пробиваться сквозь толпу, тащить через нее Ксению и смотреть, не собирается ли кто-нибудь нас убить. Пытаться каким-то образом уклониться от пуль было невозможно, но взбесившаяся толпа сама по себе служила отличным укрытием, точно стрелять было невозможно.

Что потом будет...

Один из официантов, тоже смуглый, опрокинул поднос с бокалами с шампанским, я это увидел, точнее, услышал – меня привлек звон бьющегося стекла. Под подносом у него была приклеена липкой лентой «Беретта-Бригадир», которую он пытался отодрать, но я его опередил, потому что пистолет у меня был уже в руках. Из трех выстрелов два попали в цель, один из них – аккурат в глаз, чтобы тушку не портить. Обливаясь кровью, террорист упал на пол...

Я циничный? Что вы, господа. Я спешу посмеяться над всем, иначе мне пришлось бы или заплакать, или замереть в ужасе. Поза эмбриона – такую, кажется, советуют своим клиентам страховые компании при нападении. Я предпочитаю отстреливаться...

Кстати, и этого я опознал. Адриан Лезнич, хорват, католический экстремист из организации адвоката Павели-

ча, убийца, из граничар. Объявлен в розыск через Интерпол за убийства, которые он совершил уже в Европе как профессиональный наемник и террорист. Только противодействие австро-венгров при безразличии немцев не позволило нам объявить эту тварь в розыск по линии Гаагского трибунала за массовые убийства и геноцид...

Наконец-то мы выбрались. Сшибив кого-то с ног, я затащил Ксению в служебное помещение, дернул в сторону, чтобы держащий под прицелом зал снайпер не успел выстрелить, пока она будет в дверном проеме. Потом вырвал из кобуры на лодыжке еще один «Магnum».

– Кто... кто это был? – Ксения была совершенно растерзанная, она то ли потеряла туфли, то ли сбросила их, чтобы быстрее было бежать. Ужас и немой вопрос в глазах – за что ей это?

– Видела?

– Да... он...

– Наемный убийца, стрелял в Папу Римского. Чемпион мира. Так что можешь гордиться. На нас охотятся самые опасные люди в Европе, опаснее просто нет. Ты знаешь, как отсюда выбраться?

– Откуда?

Ну да... Это мне может прийти в голову подойти и ознакомиться с пожарным планом здания, висящим на стене, гражданским такое в голову не приходит. Если я не ошибаюсь... где-то дальше – пожарная лестница, а там есть ход как вверх,

так и вниз. Мне надо было наверх, идеально – на крышу.

В коридоре появился официант, я вскинул пистолет – но он не стал в нас стрелять и бросился наутек.

– Держись за мной. Начнется перестрелка – падай, где стоишь, ничком падай.

– Господи...

– Пошли... – У меня было около двадцати патронов в пистолете и полный барабан в револьвере. – Ты у Ника мой крест отобрала?

– Какое... он сам бы не отдал... упрямый в тебя.

– Слава богу, что не отобрала...

– Он что...

– Его уже похитили. Но мы его найдем...

Если не отберут. Крест богатый... могут позариться. Господи, только бы не это.

– Похитили?! Как?!!

Ответить я не успел – впереди что-то мелькнуло, я ответил выстрелами с обеих рук. Полетело выбитое стекло...

Черт...

– А-а-а...

Я обернулся – и не увидел Ксении. Метнулся назад – распахнутая настежь дверь, сидящая на полу Ксения. Она оперлась на дверь – а та открылась под рукой. Это, похоже, был склад напитков... одна пуля сюда, и я просто не знаю, что здесь будет.

– Найди мне водку. Или джинн. Пару бутылок! Быстро!

Я снова выстрелил – и на этот раз выстрелили в ответ, пуля прошла совсем рядом. Ублюдок, что засел на лестнице, умел стрелять.

– Держи!

Джин «Бифитер»... Британский. Ноль семь литра. Сейчас посмотрим, кто и как его разливает.

Пятьдесят на пятьдесят. Я изо всей силы бросил одну из бутылок вперед, она с грохотом разбилась – и стрелок ответил новым выстрелом, едва не лишив меня руки. Потом я бросил вторую, метя намного выше – и открыл огонь по плафону аварийного освещения. Пятьдесят на пятьдесят, что искры подожгут почти полтора литра отличного британского джина. Или я просто глупо израсходуя свой боезапас.

Полыхнуло! Желто-голубое, ревящее пламя рванулось в конце коридора, лизнуло стены – и я бросился вперед, стреляя из «Магнума», потому что двадцать второй калибр дверь не пробил бы. Шесть выстрелов... и пусть этот ублюдок попробует стрелять в ответ сквозь пламя и навстречу летящим пулям...

Пламя опалило волосы, запахло паленым – я пинком открыл горящую дверь и наткнулся на человека в белой форме электромонтера, он лежал на полу и был жив – но ранен и ранен серьезно. Одна из пуль «Магнума» пробила ему грудь... в живых я его оставлять не собирался и выстрелил в голову. Теперь у меня осталось только десяток двадцать вторых, даже, может быть, меньше...

У убитого мной человека рядом с рукой лежала «Беретта», я вынужден был взять ее, потому что мне был нужен нормальный пистолет.

– Саша!

Я повернулся – Ксения в ужасе смотрела на огонь...
Черт...

Через огонь я ее, конечно же, протащил. Битое стекло хрустело под ногами, на улице уже выли полицейские сирены...

– Сквозь огонь, воду и медные трубы...

– Да пошел ты! Что с Ником?!

– Говорю тебе, его уже похитили. Ты еще не поняла? Это церковники, они убивают всех! Но мы его найдем!

– Как?!

– Я знаю, как.

Лаз на крышу я нашел на верхнем этаже, замок сбил выстрелом, затащил туда Ксению. Технический этаж – и за ним уже крыша, причем такая, что она не простреливается снизу, безопасная. Внизу выли полицейские и пожарные сирены, поднимался дым – оберст, перед тем как смотаться, выбросил под припаркованные машины две большие дымовые армейские шашки, вместе они дадут столько дыма, что можно окутать все здание целиком. Только бы вертолетчики не подвели...

Вертолетчики не подвели. Сначала мы слышали глухой, солидный звук работающих турбин, хлопанье лопастей несущих

щего винта по воздуху – а потом появился вертолет, он шел со стороны Женевского озера. Большой, вытянутый в длину, рассчитанный на двадцать четыре человека в пассажирском варианте – такие вертолеты покупались и использовались для доставки туристов из крупных городов на богатые горные курорты и лечебницы. Вертолет завис над нами, разгоняя лопастями дым, – и сверху нам сбросили тросовую лестницу гражданского образца, в армии обходятся тросом.

– Ladies first! – крикнул я, перекрикивая турбины.

– Что?!

– Хватайся и лезь наверх! Только не отпускай...

Вертолет пошел вверх, как только я как следует ухватился за лестницу. Окруженная полицейскими, утопающая в дыму «Арен дю Женев» уплывала вниз...

– Сколько у нас топлива?! – прокричал я в ухо рыжему немцу, одетому в черную униформу полицейского спецназа, который был за штурвалом вертолета.

– Здесь резервный бак, герр вице-адмираль! Осталось на девятьсот тридцать километров, не считая аварийного запаса.

Русский сказал бы «километров девятьсот». Педанты.

Я прикинул: до Гштаадта, горнолыжного курорта и частного образовательного кампуса «Le Rosey» – сто пятьдесят километров. Должно хватить с лихвой – и еще на то, чтобы смотаться оттуда...

Зазвонил телефон. Полковник...

– Что там у вас произошло? – Зиммер был спокоен, как удав. – Люди как ошпаренные выбегают. Заваруху вы устроили, этот бал будут вспоминать еще несколько лет...

– Долго объяснять. Это наемники. Ганс, ты знаешь Гштадт?

– Конечно. Там вся элита отдыхает...

– Там кампус школы «Le Rosey», мы сейчас летим туда. Там мой сын, его либо уже похитили, либо вот-вот похитят. Скоро скажу точнее. Они должны были подстроиться под бал...

Ганс Зиммер негромко выругался.

– Из-за тебя, русского психа, меня лишат лицензии.

– Этой мой сын, Ганс!

– Да понял... Отбой.

– Что с Ником?! – Ксению мутило, вертолет трясло в восходящих потоках, она была белая, как мел, от страха.

– Сейчас мы найдем его. Как тебя зовут? – спросил я одного из двоих швейцарцев, находившихся в салоне.

– Генрих, герр вице-адмираль! – он отдал честь на свой манер, по-немецки, двумя пальцами. – А это Дитер.

– Служили?

– Так точно, герр вице-адмираль! Я – в горнострелковых частях, а Дитер – в десантном полку. Снайпер десанта...

– Герр полковник сказал о том, что я здесь командую?

– Так точно, герр вице-адмираль, герр оберст приказал

подчиняться вам.

Слава Империи...

– Берите оружие. И мне, если есть. Придется пострелять.

Стоило мне только плюхнуться в кресло, на меня налетела Ксения. Она уже попыталась набрать номер сына и убедилась в том, что он не отвечает. Зрелище снайперских винтовок, которые швейцарцы доставали из чехлов, окончательно вывело ее из равновесия.

– Что вы задумали?! Надо вызвать полицию!

– Они его убьют, как только поймут, что окружены! Они фанатики, экстремисты, религиозные психопаты! Если они не смогут его украсть – они его убьют!

– Это ты во всем виноват!

Первый удар мне отразить не удалось, второй удалось – я перехватил руку, прижал Ксению к себе.

– Скотина, ублюдок, подонок! Из-за тебя все, из-за тебя!

Из-за тебя, мразь!

Чуть не сказал: если бы ты послушалась меня, отдала бы Николая в кадетский корпус – ничего бы не было. Я хотел бы посмотреть на тех, кто осмелился бы украсть ребенка из русского кадетского корпуса. Но это даже не обсуждалось – Ник не должен был стать убийцей. Подразумевалось – убийцей, как я.

Женщины, жєнщины... Интересно, почему вы ищите в жизни настоящих мужчин – но ненавидите тех, кто готов с оружием в руках сам вершить свою судьбу? Почему вы счи-

таете, что настоящий мужчина должен владеть всем миром – но в то же время покорно припадать к вашим ногам? Неужели не понимаете, что так не бывает?

Ксения заплакала...

– Ну, все, все... Может, он все еще в кампусе. Просто потерял телефон. В таком случае мы просто заберем его и отвезем в аэропорт. Дальше вы поедете в Родезию и отсидитесь там на ферме, пока все не стихнет...

– Ничего не стихнет, – вдруг сказала Ксения.

– Что? – не понял я, гул турбин давил на уши.

– Ничего не стихнет. Ты, Николай – вы все доигрались.

Черт бы вас побрал...

– Ну все, все... Сейчас мы посмотрим, может быть, я зря поднимаю панику. Все, успокойся. Ты не должна быть такой...

Я достал устройство «Нева-2», которое, слава богу, я захватил с собой, вставил аккумулятор и карту, набрал код доступа. Это было многофункциональное устройство, некоторых версий в гражданских моделях не было. Например – с этого устройства можно было выследить человека в любой точке земного шара, если на нем будет RFID-метка. Прошли те времена, когда маяк был размером с половину ручки, а дальность действия его не превышала один километр. RFID-метка по размеру примерно соответствует почтовой марке, не требует питания, возможен ее контроль со спутников. Точно такая же была встроена в золотой крестик, кото-

рый я подарил своему сыну...

Проскочила подпрограмма загрузки, потом загрузился экран. Я ввел код, который помнил наизусть, – код нужной мне метки. Несколько секунд – и на экране появилась пульсирующая белым точка. Метка двигалась...

– Что?!

– Они похитили его. Кажется, везут в Женеву.

– Одна минута! – обернувшись, проорал луженой глоткой пилот.

Черт бы все побрал...

Мы трое вооружились – в операции по освобождению заложника нужен буквально каждый меткий стрелок, которым вы располагаете. Генрих вооружился полуавтоматической «Erma PSG-1», а Дитер – типичной для десантников «G-8» той же компании. «G8» – это нечто среднее между пехотной винтовкой, ручным пулеметом и снайперской винтовкой, тяжелое, но точное оружие с оптическим прицелом и барабаном на пятьдесят патронов. Мне нашелся лишь «MP5SD3» с лазерным и оптическим прицелами, бесшумное оружие ближнего боя. Первоначально планировалось, что оба швейцарца на вертолете в критической ситуации смогут обеспечить мой отход, либо стреляя по преследователям, либо просто ведя заградительный огонь. Они вооружились из расчета двух человек, пистолет-пулемет взяли на всякий случай – этот случай как раз и наступил. Летчик одолжил мне куртку,

на которой на спине было написано светящимися буквами «Polizei». И на том спасибо.

Дитер выглянул в ревущую тьму, бросил вниз лестницу. Вертолет уже не летел, а еле полз, подбирая участок для высадки.

– Точка сброса!

Мне довелось идти третьим – швейцарцы, считая меня наименее подготовленным к такого рода злоключениям, пустили меня последним. Впрочем, по сравнению со швейцарскими десантниками и альпийскими стрелками я, мужчина средних лет с двумя контузиями, – действительно плохо подготовленный салага.

Ксения сидела в одном из кресел, она уже полностью овладела собой – это тоже было ее, она могла взять себя в руки в самой экстремальной ситуации, будь то ночной визит отца, при том, что в будуаре скрывается тайный любовник, или похищение собственного сына. Сидела как на троне – белое как мел лицо, плотно сжатые губы, прямая спина. Она знала, что меня не остановить, что я решу проблему как обычно – сам, не прибегая к чьей-либо помощи, пользуясь лишь тем, что есть у меня и рядом со мной. И она знала, что вряд ли кто решит проблему, кроме меня...

– Мы вернемся! – крикнул я Ксении то, что обычно кричали выпускающим, перед тем, как шагнуть за борт, наудачу. Она не шевельнулась, ничего не сказала – просто вжалась в кресло и ждала. Другого выхода, кроме как ждать, у нее не

было...

Пилот высадил нас ювелирно – около трассы, по которой шел автомобильный поток из Женевы в курортно-рекреационную зону. Была пятница, поэтому основной поток автомобилей шел не в Женеву, а из Женевы, швейцарцы уезжали на выходные в горы. Левая сторона дороги была почти свободна, и скорость на ней была куда выше – дисциплинированные швейцарцы даже не думали выскакивать на встречу и занимать хоть миллиметр от нее.

Здесь был поворот, и дорога простреливалась метров на триста. А так – здесь были не горы, настоящие горы – а предгорье, с лугами и лесами.

Я еще раз взглянул на экран прибора – проблема была в том, что он показывал лишь приблизительное местоположение объекта. Нельзя было увидеть машину, в которой везут Ника, нельзя было понять, как далеко он находится. По моим прикидкам – им ехать еще километров десять.

И это значит – надо поспешить. Выход только один.

– Занимайте позиции. В самом конце, – сказал я, – я пойду вперед. Попробую остановить их. Это будет микроавтобус. Или внедорожник, что-то большое, потому что их несколько. Как только кто-то не остановится – так и стреляйте. Или если я выстрелю в воздух.

Нормальной связи на меня не хватило – не было лишней рации.

– А если остановится, герр вице-адмираль?

Черт, а если и впрямь остановится? Их несколько человек, я один. Пистолет-пулемет не в счет, я могу не успеть его применить. Или просто не будет такой возможности.

Я достал из-за пояса «Беретту», которой разжился в «Арен дю Женев», пересчитал патроны в ней – оказалось, двенадцать. Не сходя с места, истратил один, бахнув в воздух, – нельзя идти на дело с оружием, которого ты не знаешь. Надо опробовать его хотя бы одним выстрелом.

Работает.

– Если останются, то... по обстановке. И бейте на поражение, это террористы.

Последнее швейцарцам не понравилось – в конце концов, здесь была не Африка, здесь была родная Швейцария. Но подчинение приказам вбито в германоязычные народы с детства – поэтому Генрих только кивнул, ответив за обоих:

– Яволь, герр вице-адмираль...

В Швейцарии, как я уже говорил, уважение к полиции – в крови каждого швейцарца, в России такого нет. В России водитель, которому приказали бы остановиться, обязательно бы обратил внимание, что у дорожного полицейского почему-то нет обязательного атрибута его профессии – жезла со с ветовозвращающими полосками. А если бы и остановился – то попросил бы предъявить удостоверение.

Первой машиной, которую я остановил, был внедорожник

«БМВ», довольно популярный здесь, потому что совмещал в себе комфорт легковой машины и полный привод, столь необходимый на альпийских дорогах. Я просто махнул рукой, приказывая остановиться, у меня не было жезла. Но на моей куртке было написано «Polizei» – и внедорожник послушно остановился...

Седой, пожилой бюргер уже встречал меня с пластиковой карточкой водительского удостоверения в руке.

– Я что-то нарушил, герр офицер?

Я мельком глянул в салон.

– Ничего. Простая проверка, извините. Счастливого пути, можете ехать...

Вторым был североамериканский «Шевроле Тахо», довольно популярный здесь, третьим – большой фургон «Опель». Никто не обращал внимания на мои гражданские брюки, на мой автомат с глушителем на груди, каким местные полицейские не пользуются. Все останавливались, я заглядывал в салон или в кузов и желал счастливого пути. И, уже заканчивая проверку «Опеля», я увидел вывернувший из-за поворота дороги микроавтобус «Ауто Юнион – Каравелла» в полноприводном исполнении и с тонированными стеклами. Почему-то сразу понял – они.

– Можете ехать! – я махнул рукой.

«Ауто Юнион» начал притормаживать – и тут его мотор взревел, и он пошел на обгон, весьма опасный, почти впри-

тирку к отъезжающему с обочины «Опелю». Водитель «Опеля» дал длинный, негодующий гудок, я выхватил «Беретту» и выстрелил в воздух.

Снайперы отработали блестяще, почти как группа по борьбе с терроризмом. Бить по водителю было нельзя, машина с погибшим водителем на спуске горной дороги – страшный снаряд. Короткая пулеметная очередь ударила по двигателю, выводя его из строя, снайпер прострелил правую переднюю покрывку. Ювелирный выстрел, прострелить спереди покрывку движущейся машины сложно, почти даже невозможно. Справа был не обрыв, не встречное движение, справа была посыпанная гравием узкая обочина, а за ней, как часто здесь бывает, – ограда чьего-то частного альпийского луга. «Ауто Юнион» потащило влево, на обочину, водитель попытался выкрутить руль (если бы получилось – скорее всего, перевернулся бы) – но в этот момент его настигла очередная точная пуля.

Я бросился бежать за бороздящим гравий, теряющим скорость «Ауто Юнионом». Вряд ли я бегал когда-то, как я бегал в эту ночь...

Кто-то толкнул боковую дверь, когда я был на расстоянии пары метров от машины, из салона не стреляли, и меня на мгновение пронзила страшная мысль – мы просто убили невинных людей, просто устроили стрельбу на дороге и убили невинных людей. Еще раз выстрелил снайпер, я не видел по кому, снайперам не был виден салон с их позиции, дей-

ствовать сейчас мог один лишь я. Вместо того, чтобы пытаться проникнуть в салон «Ауто Юниона» через боковую дверь, я дважды выстрелил в тонированное заднее стекло, под самый верх, чтобы выбить его и чтобы ошеломить боевиков в салоне. Выстрелил под самый верх так, чтобы пули ударили в крышу машины, а не в чью-нибудь голову. Ударил стволом пистолета по пошедшему трещинами стеклу, выстрелил в убудка в салоне – он уже целился в меня из чего-то, напоминающего автоматическое ружье. Еще один все-таки вывалился из салона через открытую боковую дверь – и был мгновенно убит несколькими снайперскими пулями...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.